

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**КОНКУРС
УБИЙЦ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Конкурс убийц

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Конкурс убийц / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2023 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-197727-6

Легендарный детективный тандем Леонов – Макеев. Полковники МВД Гуров и Крячко отдыхают в Анапе. Здесь же, в отеле, проходит финал литературного конкурса авторов детективов. Внезапно в своем номере находят мертвым писателя Кирьянова. Убит из пистолета. Главная подозреваемая – его супруга. Женщина в испуге отрицает вину, утверждая, что ее подставили. Гуров готов ей поверить, так как на месте преступления найдена пуговица с изображением якоря, какой нет ни у кого из подозреваемых... Но в сумочке вдовы вдруг обнаруживают пистолет, из которого много лет назад был убит другой известный писатель. По злой иронии судьбы участники того кровавого события сейчас снова собрались под одной крышей... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197727-6

© Леонов Н. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Конкурс убийц	9
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Леонов, Алексей Макеев

Конкурс убийц

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

КОНКУРС
УБИЙЦ

Москва
2024

Конкурс убийц

Конкурс убийц

ПОВЕСТЬ

Глава 1

– Никаких дач и рыбалок! – Мария была категорична и с вызовом посмотрела на мужа – полковника уголовного розыска Льва Ивановича Гурова.

– Это почему еще? Вообще-то, это наш отпуск, и мы можем распоряжаться им как хотим, – пытался возразить Станислав Крячко, но его собственная супруга Наталья так многозначительно посмотрела на него, что друг, соратник и сослуживец Гурова сразу же сник.

Они спорили уже целый час, и спор этот происходил вечером на даче у Крячко, где они справляли день рождения Натальи. Кроме Гурова и его жены, на этот семейный праздник был приглашен и генерал Петр Николаевич Орлов – друг и по совместительству непосредственный начальник Гурова и Крячко, которые уже больше тридцати лет служили под его началом в Главном управлении уголовного розыска МВД России. Именно он и был, так сказать, виновником этого самого спора, а вернее, не он сам, а его решение отпустить своих подчиненных в заслуженный отпуск. Причем сразу обоих, да еще и в июле, что было само по себе не просто редким, но просто-таки уникальным случаем. Обычно Орлов строго придерживался правила, которое установил сам для себя как начальник главка, – не разбрасываться кадрами и в отпуск отпускать сотрудников только по одному.

Что же стало причиной таких перемен в решении, и почему он вдруг нарушил установленное им же самим правило, оставалось загадкой и для Гурова, и для Крячко. Их начальник и друг не стал распространяться на сей счет, и на все вопросы подчиненных отвечал только загадочной усмешкой и пожатием плеч.

Узнав о таком решении начальства, Лев Иванович и Станислав, конечно же, обрадовались и стали строить планы. И эти планы, которые касались безмятежного отдыха на даче Крячко и, соответственно, спокойной и продуктивной рыбалки на местном озере и реке, протекающей неподалеку, вдруг были безжалостно и коварно нарушены их женами.

Узнав от супругов, что им предоставили целых три недели безмятежности, женщины созвонились, встретились на нейтральной полосе – в одной из многочисленных кофеен на Пятницкой – и пришли к выводу, что они, как жены полковников уголовного розыска, достойны большего, чем быть кухарками и огородницами на даче. А потому решили нарушить планы своих мужчин и провести совместный отпуск в Анапе. Солнечные ванны, туры на пароходике, посещение дельфинария и океанария, вечерний променад по набережной, прогулки по магазинам прельщали их куда больше, чем каждодневная чистка наловленных мужьями окуньков и карасей.

О своем решении Наталья и Мария объявили своим вторым половинкам сразу же после праздничного обеда. Мало того что дамы заявили протест и категорически отказали мужьям в том виде отдыха, который они запланировали, они еще и поставили их перед фактом, заявив, что уже нашли подходящий отель и даже забронировали в нем два номера.

– Вы просто не представляете, каких усилий нам стоило найти в разгар сезона отпусков эти номера! – заявила Мария. – Хорошо еще, что у меня в Анапе живет давняя подруга, и у нее есть знакомая, сестра мужа которой работает в одном из отелей. Та быстро обзвонила своих знакомых и нашла один-единственный более-менее приемлемый вариант – отель «Фантазия» с опцией «все включено» и не с варварским ценником. Въезд через два дня.

– Интересно, а как мы туда будем добираться? – ехидно прищурился Станислав Крячко.

Лев Иванович хмуро промолчал. Зная свою супругу, он подозревал, что их жены не только забронировали номера, но и позаботились о билетах на самолет. Но он ошибся.

– Поедем на нашей машине, – безапелляционно заявила Наталья. – С билетами на самолет мы пролетели, все уже выкуплены заранее, а на поезде мы бы не успели ко времени заезда в отель. Машина новая, водителя у нас два – ты и Лева, так что доберемся туда меньше чем

за сутки. Нужно только заранее наметить удобный маршрут. Чем я вам и предлагаю заняться прямо с завтрашнего утра.

Крячко с растерянной улыбкой посмотрел на Льва Ивановича, ища у него поддержки и безмолвно спрашивая, есть ли у них еще варианты отмазок, чтобы не ехать на юга, но Гуров только хмуро пожал плечами. Тогда оба они молча посмотрели на Орлова, который сидел в шезлонге с баночкой пива, улыбался загадочной улыбкой Джоконды и, как кот, щурился на солнце. В ответ на хмурые взгляды своих друзей он лишь чуть приподнял брови, как бы говоря, что он тут вовсе ни при чем и спросу с него никакого.

Пауза затянулась. Дамы уже праздновали победу, переглядываясь с довольным видом, а их мужья сидели насупившись и уныло просчитывали, сколько дней у них останется на рыбалку и дачу после того, как они вернутся из Анапы обратно. Ни Станислав Крячко, ни Лев Иванович Гуров никак не ожидали, что их жены, узнав о совместном отпуске мужей, так быстро получают добро от начальства и на свой двухнедельный отпуск, что и позволило им, собственно, затеять эту поездку на море.

– Кстати, порыбачить вы можете и на море, – нарушил молчание спокойный голос генерала Орлова. – Помнится, лет пять назад, в Сочи, я выходил на рыбалку на яхте и поймал приличного саргана и еще кучу всякой мелочи. Мне ее там же, на судне, почистили, разделали и пожарили. Ставрида там очень вкусная. Да и бычки... – Петр Николаевич закатил глаза, словно бы говоря, что у него нет слов, чтобы описать все прелести морской рыбалки и вкуса свежепожаренной рыбы.

Гуров и Крячко воззрились на Петра Николаевича, осмысливая полученную информацию, а потом, заговорщицки переглянувшись между собой, с улыбкой посмотрели на жен.

– Ну раз уж вам так хочется на море... – начал Крячко.

– То как мы можем лишиться вас этого удовольствия, – продолжил Лев Иванович.

Наталья Крячко, которая была по характеру и натуре своей наивной и не так догадлива, как Мария, обрадовалась:

– Вот так бы и давно! А то не поедем, нам и тут неплохо...

На этот раз промолчала Мария Гурова, но при этих словах Натальи она наклонила голову и улыбнулась так таинственно, что Лев Иванович заподозрил, что их негласные планы и надежды порыбачить в открытом море находятся под большим вопросом. Он тоже промолчал, но для себя решил, что поговорит со Станиславом чуть позже, когда они останутся один на один и будут разрабатывать маршрут до Анапы, по которому поедут на машине Крячко.

Глава 2

Пятиэтажный отель «Фантазия» не был самым шикарным отелем на побережье, до моря нужно было идти не меньше ста пятидесяти метров, а до центра города и вовсе добираться на автобусе. Но ни Льва Ивановича Гурова, ни Станислава Крячко это обстоятельство, в отличие от их жен, нисколько не волновало. У них были планы несколько другого рода, чем прогулки по антикварным лавочкам, сувенирным магазинам и посещение океанариума. Хотя они и согласились на предложение жен подождать с этим невероятно увлекательным занятием и хотя бы три дня просто позагорать на пляже.

Лев Иванович не любил загорать в силу того, что его кожа быстро сгорала на солнце, и все усилия Марии, а вернее, тех защитных кремов, которыми она щедро намазывала и себя, и мужа, никак не способствовали приостановке этого процесса. Но зато Гуров любил плавать, и плавал он просто отлично. Это поднимало ему настроение и сглаживало все остальные неприятные моменты пребывания на общественных пляжах. Он также не любил пляжную толпу и предпочитал отдых в спокойной обстановке вдалеке от суеты и от бестолкового снования туда-сюда полураздетых людей. Поэтому на общественных пляжах он и вовсе чувствовал себя не в своей тарелке.

Нет, Лев Иванович не был интровертом в полном понимании этого слова и не чурался людей. В конце концов, его работа в уголовном розыске предполагала активное общение и с коллегами, и со свидетелями, и с агентурой. Гуров просто не любил безликую толпу, а не самих людей как таковых. Ему было проще общаться с кем-то индивидуально, тет-а-тет, видеть в человеке личность, смотреть ему в глаза, слышать голос, улавливать интонацию, читать язык жестов и поз. Тогда он четко понимал, с кем и как нужно разговаривать, какой подход найти к человеку, будь он хоть свидетель, хоть жертва, хоть преступник. Гуров легко определял характер людей, с которыми ему приходилось общаться, чуть ли не с первого взгляда, что и помогало ему в его нелегкой работе.

А вот как можно иметь дело с многоликой, многогласной и многохарактерной толпой – он не понимал. Да и не хотел понимать. Толпа для него была не человеком, а некой инопланетной бездушной субстанцией, от которой никогда не знаешь, что ожидать.

Впрочем, Гуров знал, что ко всему, в том числе и к пляжам, заполненным народом, можно привыкнуть. Вернее, привыкнуть не к самой толпе, а к вынужденной ситуации. Нужно только подождать какое-то время, и тогда уже начинаешь не обращать внимания и на гул голосов вокруг, и на постоянное мельтешение тел перед глазами, и на то, что десятки пар глаз могут рассматривать тебя, как зверушку в зоопарке, оценивать, сравнивать...

Номера в «Фантазии» супруги Гуровы и Крячко получили на разных этажах. Жены Гурова и Крячко стояли в очереди к регистрационной стойке, а их мужья маялись рядом в ожидании, когда можно будет отнести вещи в номер и переодеться. Духота стояла невероятная, и кондиционеры в холле с ней явно не справлялись.

– Других свободных номеров не было, – вздохнула Мария. – Все остальные номера были забронированы еще в апреле. И это все потому, что именно в эти дни наши столичные писатели решили провести итоги какого-то литературного конкурса не в душных залах своего союза, а с комфортом – на морском побережье. Как говорится – совместить полезное с приятным. Это нам еще повезло, – добавила она, – что четыре человека не смогли по каким-то причинам приехать, и номера остались свободными.

– М-да, – только и нашелся, что ответить жене, Лев Иванович.

Даже Станислав Крячко, который обычно никогда не лез за словом в карман, вдруг как-то неожиданно притих и только оглядывался на активно снующих по холлу мужчин и женщин.

Все гости отеля, по наблюдениям Гурова, были возрастом далеко за сорок и одеты практически одинаково – на всех были надеты белые футболки с логотипом «Наследники Шерлока Холмса». Большинство – мужчины, и все как на подбор – с бородами разной длины и формы и заметными брюшками. Женщины, которых было в разы меньше, были, наоборот, худыми как сельди и молодящимися. Несмотря на ужасную жару, на них был такой слой макияжа, что Гурову удивительно было, почему весь этот грим до сих пор не потек с них разноцветными ручьями. Жена Льва Ивановича, Мария, хотя и была актрисой театра, никогда не позволяла себе вне спектаклей такого безобразия и красилась только слегка. А в летнюю жару и вовсе обходилась только гигиенической губной помадой.

«Наверное, именно поэтому она у меня такая красавица и даже сейчас выглядит намного моложе своего возраста», – подумал Лев Иванович и посмотрел на супругу с такой теплотой и любовью, что Мария, почувствовав его взгляд, повернула к нему голову и ободряюще улыбнулась.

Станислав Крячко, в отличие от своего друга Гурова, к толпе относился спокойно и даже снисходительно. Его гораздо больше заинтересовала надпись на футболках, чем количество народа, толкущегося в холле.

– Скажите, а что у вас тут за мероприятие проходит? – обратился он с вопросом к проходящему мимо него сотруднику отеля.

– Писатели въезжают, – кивнул тот на небольшую компанию в белых футболках, которая о чем-то негромко разговаривала, встав в кружок. – Они у нас на неделю сняли все номера и конференц-зал заодно. Это, так сказать, детективщики. Будут решать, кто лучший детективный рассказ в этом сезоне написал. Они к нам каждый год навещают.

Сотрудник посчитал, что свой долг он выполнил, и поплыл дальше с важным и значимым видом.

– Ну надо же! Вот так совпадение! – удивился Станислав и рассмеялся.

Лев Иванович, который внимательно и хмуро слушал ответ, ответил:

– Нехорошо это.

– Что плохо? – поинтересовалась Мария, повернувшись к мужу. Она закончила регистрацию и уступила место Наталье, которая протянула секьюрити паспорта.

– Все плохо, – мрачно заметил Лев Иванович. – И что народу много, и что весь этот народ является графоманами, которые пишут на тему, в которой совершенно не смыслят, и что мы оказались с ними в одном отеле.

– Ты имеешь в виду детективный жанр? – улыбнулась Мария и посмотрела на кучку писателей, стоявших неподалеку. – Так вот, я хочу тебя обрадовать. Ни один писатель – ни романист, ни детективщик, как выразился охранник, или фантаст – никогда еще не писал о том, что он сам испытал, или о том, что он знает, как свои пять пальцев. Искусство писательства хотя и требует погружения в произведение, но не требует от писателя быть главным героем своего произведения на сто процентов. Разве что писатель пишет свою автобиографию. Ты ведь не думаешь, что Конан Дойл перед тем, как придумать Шерлока Холмса, сам начал ловить преступников, применяя им же придуманный детективный метод?

– Сравнила Конан Дойла и этих, – усмехнулся Гуров. – Сегодня таких самозванных писателей вон сколько развелось, – кивнул он на проходящих мимо мужчин и женщин в белых футболках. – Косой косить можно.

– Ну не все же они графоманы, – попытался смягчить настроение друга Станислав. – Наверняка среди них найдется кто-то, кто вдумчиво вникает в то, о чем пишет.

Лев Иванович скептически посмотрел на Крячко и промолчал. Станиславу оставалось только улыбнуться и хлопнуть Гурова по плечу.

– В конце концов, каждый зарабатывает свой хлеб, как умеет, – примирительным тоном заявила присоединившаяся к ним в разговор Наталья. – Ну что, идемте по номерам. Отдох-

нем, распакуем вещи, а потом спустимся пообедать и решим, что будем делать дальше, – предложила она.

* * *

Через час они вчетвером сидели на улице за столиком кафе при отеле и просматривали карту меню. Все были голодные и поэтому больше обращали внимание на названия блюд, чем на окружавших их людей.

– Простите, у вас можно взять свободный стульчик?

За спиной Льва Ивановича раздался приятный женский голос. Он оглянулся и увидел симпатичное миниатюрное создание. Миниатюрное не в смысле возраста, а в смысле комплекции. Женщина была невысокого роста, худенькая, стройная, с некрупными чертами лица. Если бы Лев Иванович увидел ее со спины, то никогда бы не подумал, что это зрелая женщина в возрасте за сорок, скорее подросток. Но лицо женщины хотя и выдавало ее возраст, было все-таки молодежь и вполне соответствовало народной мудрости, что «маленькая собачка до старости щенок». Да и накрашена она была лишь слегка, что сильно отличало ее от всех остальных женщин, которых Гуров наблюдал в холле отеля. Было в ее внешности и еще что-то неуловимое, что затронуло Гурова. Но не как мужчину, которого привлекла яркая или необычная внешность, а как эстета другого рода. Ему показалось, что эта женщина словно светится изнутри каким-то светом, присущим только добрым и ранимым людям.

– Да-да, конечно, берите, – улыбнулась женщине Мария, пока Лев Иванович соображал, что ответить незнакомке.

Женщина легко подняла за спинку довольно тяжелый деревянный стул и, сказав «спасибо», отошла к столику по соседству. Лев Иванович смутился и своего оценивающего взгляда, и того обстоятельства, что сам не ответил ей сразу на просьбу. Но это смущение длилось недолго. Мария отвлекла его вопросом о заказе, и он тут же забыл и незнакомку, и свет, исходящий от нее, и свое смущение.

– Ну, так чем же мы сегодня займемся? – поинтересовался Станислав Крячко, когда официант – молодой парнишка (наверное, подрабатывающий на каникулах студент) принял заказ и отошел от их столика.

Обсуждение и разработка маршрута прогулки по городу отвлекли Льва Ивановича от неприятных мыслей и предчувствий, которые накатили на него после того, как он узнал, что две недели ему предстоит жить бок о бок с писателями, пишущими на тему раскрытия разного рода (в основном, конечно же, кровавых) преступлений. Он сам не понимал, почему, но ощущение дискомфорта появилось в нем именно тогда, когда он узнал, на какую тему пишет собравшаяся под крышей отеля писательская братия.

* * *

Второй раз Лев Иванович увидел миниатюрную женщину из кафе уже ближе к вечеру того же дня, когда они вчетвером возвращались с прогулки по городу. Женщина, которую сопровождал мужчина лет пятидесяти пяти, вместе с Гуровыми и Крячко вошла в лифт и назвала этаж, на котором поселились и Лев Иванович с Марией. По тому факту, что на ней было надето симпатичное ситцевое платье в мелкий цветочек, а не дурацкая белая футболка с еще более дурацким, по мнению Крячко и Гурова, логотипом, полковник решил, что она не имеет отношения к писателям, а является такой же простой отдыхающей, как и они. То обстоятельство, что днем в кафе она села за один столик с «белофутболочниками», совсем вылетело у него из головы.

Женщина узнала их и улыбнулась Марии.

– Кажется, мы с вами соседи, – сказала она, когда они вчетвером вышли на третьем этаже, а Крячко поехали выше. И это предположение прозвучало так просто и обыденно, что Гуров даже на мгновение забыл, что он не в Москве, а в Анапе, и ехал он в лифте не в свою городскую квартиру, а в номер отеля.

– Вы в каком номере остановились? – приветливо поддержала разговор Мария.

– Мы с мужем живем в триста третьем.

– Тогда точно – мы соседи, – Мария протянула женщине руку и представилась: – Маша. А мужа зовут Лев. Лев Иванович, – поправились она, искоса глянув на Гурова.

– Ольга, – просто и открыто ответила женщина. – А это мой супруг – Евгений Петрович. – Она повернулась и с улыбкой посмотрела на серьезного и, как показалось Гурову, чуть надменного мужчину в легком летнем сером пиджаке, сшитом из дорогого сукна.

– Кирьянов, – в свою очередь нехотя протянул тот руку Льву Ивановичу, по всей видимости ожидая, что эта фамилия вызовет у оппонента восторг.

Но Гуров на фамилию никак не отреагировал и только слегка пожал мягкую и безвольную руку.

Все четверо на мгновение замерли, не зная, что еще сказать. Мария уже было повернулась, чтобы открыть ключом свой номер, но Ольга вдруг предложила:

– Не хотите присоединиться к нам на ужине? Приглашайте своих друзей тоже. Мы с мужем обычно ходим ужинать в одно очень милое местечко. И если вы, конечно, не против дальнейшего знакомства...

Мария вопросительно посмотрела на мужа, но тот только пожал плечами, продолжая вежливо улыбаться, а потому она ответила сама:

– Что ж, мы не против. Позвоню друзьям и встретимся... Где?

– Через час в холле у регистрационной стойки, – предложила Ольга, и все с некоторым облегчением, что неловкие первые минуты знакомства закончились, разошлись по номерам.

– Это было обязательно – соглашаться на совместный ужин?

Лев Иванович не то чтобы был недоволен решением жены, но ему как-то не очень хотелось начинать отпуск с новых ни к чему не обязывающих знакомств. Он все еще никак не мог отделаться от ощущения, что его пребывание под одной крышей с детективщиками добром не кончится.

Мария, угадав его настроение, подошла к нему и, обняв за шею, заглянула в глаза.

– Лева, да расслабься ты наконец. В кои-то веки мы проводим отпуск вместе, на море, да еще и с друзьями. Дались тебе эти писатели. Забудь о них, расслабься и получай удовольствие от воздуха, природы и моря.

Лев Иванович, растаяв от прикосновений супруги, улыбнулся, поцеловал ее в кончик носа и пообещал:

– Я очень постараюсь получить удовольствие и от моря, и от воздуха, и от...

Он не договорил и поцеловал жену долгим и нежным поцелуем.

Глава 3

Ужинали они в кафе ресторанный типа под названием «Сад и море». Заведение и в самом деле оказалось достойным и по выбору блюд, и по обслуживанию. Разговор, который поначалу не очень вязался, после второго бокала вина оживился.

– Нет, это просто поразительно! – воскликнула Ольга, когда узнала, кем являются Гуров и Крячко. – Никогда не думала, что могут быть такие совпадения – полковники-оперативники и писатели детективов под одной крышей. Женя, как ты находишь такое совпадение? – повернулась она к мужу.

Кириянов, который в начале ужина и знакомства вел себя весьма сдержанно и немного высокомерно, узнав, кто сидит перед ним, вдруг оттаял и стал непосредственным и даже веселым.

– Я думаю, что нужно пригласить вас обоих, – обратился к полковникам Евгений Петрович, – на одно из наших заседаний. Полагаю, что многим нашим писателям будет полезно пообщаться с настоящими оперативниками и задать им вопросы по существу. Знаете, скажу вам по секрету, – понизил он голос, – многие пишут настолько откровенную чушь, что мне как председателю комиссии конкурса читать, а тем более оценивать, такие тексты не просто противно, а даже смешно.

– Как вам идея? – улыбнулась Ольга и посмотрела на Льва Ивановича с искренним восторгом.

Гуров, не зная, что ответить, посмотрел на Станислава Крячко, который с улыбкой пожал плечами и неопределенно сказал:

– Ну, если позовете...

– Обязательно позовем! – воскликнул Кириянов. – Через три дня у нас будет подведение итогов, а потом мы наметили провести мастер-классы. Знаете, это когда матерые писатели делятся с молодыми, начинающими авторами своим опытом и мастерством. Вот именно тогда, как мне кажется, и нужны будут ваши консультации. Ведь это просто восторг, что вы приехали отдыхать именно в наш отель! – радовался Евгений Петрович. – Оленька, как тебе моя идея?

– Думаю, что она просто отличная. – Ольга посмотрела на вдруг притихших полковников и тактично добавила, глядя на Гурова и Крячко: – Но если вам неудобно или у вас другие планы, то мы, конечно же, не станем навязываться со своим предложением.

И было это сказано таким грустным и огорченным голосом, что Льву Ивановичу вдруг стало жаль Ольгу. Он не знал, почему к нему пришло это чувство, но ему вдруг стало даже немного стыдно за то, что если они вдруг откажутся от предложения Кириянова, то они этим самым отказом обидят эту хрупкую женщину с добрыми синими глазами. И он тихо и спокойно ответил:

– Что ж, мы не против поделиться опытом. Тем более что сегодня и вправду редко кто пишет хорошие, реалистичные и правдивые детективы.

– Вот и отлично! – обрадовался Кириянов. – Давайте выпьем за наше с вами сотрудничество.

К радости Крячко и Гурова, больше к вопросу об их работе в этот вечер не возвращались. Говорили о разном – о вещах, о которых обычно говорят малознакомые люди, познакомившиеся на курортном отдыхе. Женщины, сев поближе друг к другу, вели разговоры на темы, которые были интересны только им – мода сезона, домашний уют, интерьерный дизайн, современные гаджеты, помогающие в хозяйстве. Мужчины же завели разговор о хобби.

Узнав, что полковники оба заядлые рыбаки, Кириянов вдруг тоже загорелся и напросился рыбачить вместе с ними.

– Я, конечно, еще тот специалист по рыбам, – смеялся он, – и ни разу в своей жизни ни одного окунька не поймал, разве что в магазине на прилавке. Но отчего бы не попробовать? В жизни всякий опыт нужен. А тем более в жизни писателя. А как вы думали! Допустим, захочу я, например, написать про полковников уголовного розыска, которые на досуге любят порыбачить, – хитро посмотрел он на Гурова и Крячко, – вот и опишу все, что наблюдал или переживал сам, когда ловил. Как вам такая идея?

– Да, отлично, – снисходительно и как-то неопределенно откликнулся Станислав.

– Я считаю, что так и нужно писать книги – правдиво описывая пережитый опыт, – откинувшись на спинку стула, высказался Кирьянов. – Если писатель не пишет о своем, о личном, о том, что его волнует или что он когда-либо пережил, то это вовсе и не писатель, а так...

Евгений Петрович как-то вдруг изменился в лице и в позе. Сделался важным. Сев, по всей видимости, на своего любимого конька, он долго и со вкусом рассуждал о писательстве, о его значении и влиянии на жизнь общества. Сетовал на то, что читать стали меньше, а писать – больше.

– Все сегодня мнят себя писателями, причем не какими-нибудь заштатными, – говорил он, – а великими, способными встать на одну ступень с Пушкиным или Достоевским. Вот скажите, много ли вы читаете? – обратился он к Гурову.

– Да практически каждый вечер, если не на работе, – смутился Лев Иванович. – Классики в основном, – быстро добавил он, чтобы его вдруг не заподозрили в том, что он читает детективы.

Кирьянов снисходительно улыбнулся и кивнул головой, словно бы принимая ответ Гурова, но не слишком ему доверяя.

– Вы, скорее, исключение из правила, – таким же снисходительным тоном, как и его улыбка, заметил он. – Писать не пробовали? – задавая этот вопрос, он на сей раз посмотрел на Крячко, словно именно его он подозревал в этом неблагородном для полковника уголовного розыска деле.

– Нет, – смеясь, ответил ему Станислав. – У меня в детстве за сочинения всегда тройки были. Неспособный я к писательскому творчеству.

– И это правильно! – с важным видом согласился Кирьянов. – Я имею в виду не тройки по сочинениям, а про опыт писательства. Знаете, кто в основном сейчас становится писателем? – со всезнающим выражением он посмотрел на полковников. Те с вежливой улыбкой покачали головой, и тогда Евгений Петрович с торжествующим видом изрек: – Именно бывшие троечники и становятся писателями! Знаете ли, из тех, которые в свое время не поступили в университет оттого, что и трех слов связать не могли. Ручками работать им лень, вот мнят себя маститыми писателями.

Еще минут пятнадцать Кирьянов рассуждал на тему бездарных писателей, при этом постоянно возвращаясь к своей, как он полагал, уникальной автобиографии. Он все время приводил в пример себя, цитировал себя и упивался собой. Гуров и Крячко слушали его со скучающим видом и с прилепленными к лицу вежливыми улыбками, кивали, словно бы соглашаясь с выводами и предположениями Евгения Петровича, и ждали, когда же его монолог закончится. Один раз Гуров, осматриваясь по сторонам, поймал на себе взгляд синих глаз Ольги, которая наблюдала за ними с легкой и все понимающей улыбкой.

– Женя, – позвала она мужа. – Нам пора идти. Завтра рано вставать. Ты забыл, что начало первого заседания в восемь утра?

Кирьянов сначала недовольно и хмуро посмотрел на жену, которая прервала его разглагольствования, но потом вздохнул и с сожалением произнес:

– Прости, дорогая, я так увлекся, что совсем забыл, что я нахожусь в этом замечательном городе не на отдыхе, а на работе. – Он посмотрел на циферблат дорожных часов у себя

на запястье и добавил, обращаясь к Марии и Наталье: – Прошу дам простить, но нам действительно пора.

– Ох, это вы нас извините. – Мария встала, а за ней и все остальные. – Нам тоже пора возвращаться в отель. День был долгий, и все устали. Вызовем такси. У вас есть номер? – посмотрела она на Ольгу.

– Да, конечно же, есть, – ответила Кирьянова, доставая из сумочки телефон. – Мы ведь в Анапу не первый год приезжаем, и город знаем, как свои пять пальцев.

– Да, нашему конкурсу уже шестой год, – гордо добавил Евгений Петрович. – И каждый раз на подведение итогов и награждение конкурсантов мы приезжаем в Анапу. Кстати, именно Оленька и нашла для нас этот замечательный отель, – снисходительно улыбнулся Кирьянов и с видом покровителя положил руку на плечо жены. – Она – природный организатор. Придумала и сам конкурс, и спонсора нашла...

– Женя, ты преувеличиваешь мои способности, – смутилась Ольга и извиняюще улыбнулась.

В такси – минивэн на восемь человек – вместились все. По дороге обратно больше молчали, словно пресытившись общением. Гуров рассеянно и сонно смотрел в окно, когда услышал, как Ольга говорит Марии, с которой она сидела рядом:

– Вы знали, что в нашем отеле, на крыше, есть открытый бассейн?

– Нет, – оживилась Мария. – Я думала, что бассейн один – во дворе. И что, туда тоже свободный доступ?

– Не совсем, – заговорщицки наклонившись к ней, ответила Кирьянова. – Обычно ключ от крыши дают за отдельную плату. Ну, вы понимаете. Даже в отелях, где «все включено», есть вещи, доступ к которым нужно отдельно оплачивать. Люди делают бизнес на всем – на комфорте клиентов, на их капризах. У меня в этом отеле хорошая знакомая – дежурная по этажу. Она за небольшую плату может открывать вам доступ к бассейну в свое дежурство. Хотите, я договорюсь?

– Было бы замечательно, – Лев Иванович, увидев нерешительность на лице супруги, решил ответить сам. – Я не очень люблю плавать, постоянно натываясь на чье-нибудь тело. А если, как вы говорите, есть другая возможность... Я только за.

– Было бы здорово поплавать рано утром, еще до завтрака! – вставил свое слово и Станислав Крячко. Лев Иванович молча с ним согласился.

– Но утром поплавать можно и в море, – возразила Станиславу Наталья.

– В море – само собой, – парировал Станислав. – Но и бассейн не помешает. Если есть такая возможность, то почему бы ею не воспользоваться? А до моря нужно еще топать и топать, а потом еще и обратно. Так и к завтраку не успеешь вернуться.

– Как хотите, – пожала плечами Наталья.

– Я как только договорюсь, так сразу найду и сообщу вам. Хорошо? – улыбнулась Ольга.

– Отлично. Спасибо, – кивнул ей Лев Иванович и подумал, что все-таки не так уж и плохо начинается их отпуск на море, и, может статься, все его тревоги и предчувствия напрасны.

Глава 4

Последующие два дня после проведенного вместе с супругами Кирьяновыми вечера Лев Иванович видел Ольгу и ее супруга только несколько раз, и то мельком. Ольга, правда, заходила к ним пару раз пообщаться с Марией, но при этом Лев Иванович выходил к ним только поздороваться по-соседски, потом снова уходил на балкон и читал прихваченный с собой роман Стейнбека или уходил поплавать в бассейн. В тот самый, который был не для всех. Ольга на следующее же утро после их посиделок пришла к ним и с улыбкой протянула номер телефона своей знакомой. Она пояснила, что и Гуровы, и их друзья могут звонить Кате, так звали женщину, всякий раз, когда у них будет желание поплавать в бассейне. Чем Гуров и Станислав Крячко не преминули воспользоваться.

– Даже если Катя будет не на смене, – пояснила Ольга, отдавая Марии бумажку с номером, – она передаст вашу просьбу дежурной горничной, и та откроет для вас дверь, которая ведет на крышу.

Насколько Гуров был в курсе – один раз Маша и Наталья даже встречались утром с Ольгой и пили вместе с ней кофе. О чем они могли говорить с малознакомой женщиной и что могло их так сблизить буквально за один проведенный вместе вечер – оставалось для Льва Ивановича загадкой. Как, впрочем, и вся женская натура.

Евгения Петровича же он видел в эти дни только в окружении разных писателей и писательниц, с которыми тот то с важным видом о чем-то спорил, то отвечал на какие-то их вопросы, то сам с умным видом о чем-то философствовал. Белые футболки с логотипом сменились у участников конкурса на однотонные рубашки и легкие платья. На шеях писателей болтались на шнурке бейджики с фамилиями. Атмосфера в отеле стала еще более светливой и беспокойной – толпы людей периодически заполняли холл и этажи, кругом стоял гул голосов, и пробиться к входным дверям было затруднительно. Но иногда, особенно по утрам, в отеле было так тихо, словно бы и не был он переполнен людьми, а пребывал в запустении.

Гуровым снова начало овладевать беспокойное чувство. Ему опять стало казаться, что грядет нечто неизбежное, что нарушит привычное течение жизни отеля и его, Гурова, отдыха. Он не делился своими переживаниями ни с Марией, ни со Станиславом, старался быть спокойным и веселым. Он безропотно, хотя и с некоторой неохотой в душе, принимал участие во всех идейных начинаниях Натальи и Марии, которые водили мужчин то на пляж, то в ресторан, то в океанариум. Оставаясь же наедине со Станиславом, они говорили о предстоящей рыбалке, о которой при женах старались не упоминать. Сами-то они давно уже договорились с хозяином одной из яхт, что в ближайшее воскресенье выйдут с ним в море и проведут весь день за ловлей саргана, бычков и разной другой морской рыбы, которая, по словам местных, только и ждала, когда ее выловят.

И в такие минуты, когда разговор шел о снастях, о приемах лова и прочих тонкостях рыбалки на море, Лев Иванович успокаивался и забывал о своих предчувствиях. Вернее, они отходили на задний план и не так назойливо проникали в мысли и чувства полковника.

За всей этой отпускной суетой, турами и прогулками по городу друзья как-то подзабыли о своем обещании поучаствовать в писательских конференциях. Напоминание пришло к ним вечером третьего дня в виде подошедшей к их компании Ольги Кирьяновой.

– Здравствуйте, – улыбаясь своей тихой и очаровательной улыбкой, поздоровалась она. – Куда-то собрались?

– А, Оля, здравствуйте, – весело поздоровался с ней Крячко, а Мария и Наталья даже обнялись с ней как с давней подругой. – Вот, собрались сходить в местный городской театр на вечер классического и современного балета. Ждем такси.

– Здорово! – восхитилась Ольга искренне и, как показалось Гурову, даже с некоторой завистью. – А мы вот с Женей уже лет сто не бывали ни в театре, ни в кино. Что ж, не буду вас отвлекать. Просто подошла узнать и напомнить. Вы не смогли бы прийти завтра к десяти часам на встречу с нашими писателями, как мы и договаривались? Просто Женя... Евгений Петрович уже анонсировал ваше присутствие, – вдруг смутилась она, увидев на лице Гурова и Крячко немного недоуменное и растерянное выражение. – Конечно, если у вас другие планы...

– Нет-нет, мы всегда готовы, – поспешил заверить ее Лев Иванович. Ему показалось, что Ольга прямо сейчас вдруг расплачется, ее глаза заблестели, а лицо приняло такое извиняющееся выражение, что он невольно поспешил ее успокоить.

– Спасибо, – искренне поблагодарила его Кирьянова и, кивнув, добавила: – Тогда я скажу Жене, что вы придете. Я встречу вас внизу, в холле, и проведу в конференц-зал. Хорошо?

– Если они забудут, мы им напомним, – ответила за всех Наталья и спросила: – А нам с Марией можно будет поприсутствовать на вашем мероприятии?

– Да, конечно же! – Щеки у Ольги чуть порозовели от смущения. – Обязательно приходите! Места найдутся.

Она не успела больше ничего добавить – подъехало такси, и Гуровы с Крячко стали прощаться с ней, заверяя, что завтра к десяти обязательно спустятся в холл. Уже сидя в машине, Лев Иванович посмотрел в окно и увидел Ольгу, которая так и стояла на тротуаре, и вид у нее, как показалось Гурову, был какой-то растерянный и подавленный одновременно.

«И все-таки есть в ней что-то странное, – подумал Лев Иванович, глядя на эту одиноко стоящую фигурку. – Какая-то недоговоренность. Словно она что-то хочет сказать, но то ли не решается, то ли боится».

Машина тронулась и увезла и Гурова, и его мысли совсем в другой мир, мир, отличный от неприкаянности и недосказанности, в котором, как казалось полковнику, жила эта маленькая женщина. А наутро...

Утром, в половине седьмого, когда они с Марией еще валялись в постели и, смеясь, обсуждали и фантазировали, представляя, как сегодня будет проходить первая в жизни Гурова встреча с писательской братией, к ним в номер решительно и настойчиво постучали.

– Кто это так рано? – удивилась Мария.

Она встала, жестом предлагая мужу оставаться на месте, накинула халатик и пошла открывать. Гурова вдруг накрыла волна беспокойства, и он тоже встал, и только натянул джинсы и футболку, как в комнату вошла Маша и шепотом, так, словно их могли подслушать, сообщила:

– Там полиция. Хотят с нами поговорить.

Сердце у Гурова вдруг застучало гулко и тревожно, словно напоминая, что оно у него есть, и что его предчувствия, от которых он так опрометчиво отмахнулся, начинают сбываться.

– Что случилось? – так же шепотом спросил он у жены.

– Кажется, что-то с нашими соседями... – Глаза у Марии были широко раскрыты, и в зрачках плескалась тревога. – Я не знаю, но, когда я открыла дверь, триста третий номер был распахнут настежь, и возле него стояли охранник отеля, медик и полицейский. И мне показалось, что я слышала плач Ольги.

Лев Иванович многозначительно посмотрел на жену, взглядом давая ей понять, что он был прав, когда говорил о своих нехороших предчувствиях, и поспешил выйти в гостиную. Мария, которая быстро переделалась из халата в домашний легкий брючный костюм, вздохнула и последовала за ним.

– Утро доброе, – вежливо поздоровался Гуров с двумя оперативниками, которые топтались на пороге их номера. – Проходите.

То, что это были именно оперативники, а не кто-то другой – следователи, например, – Лев Иванович определил с профессиональной безошибочностью. Одному из мужчин было

лет под пятьдесят, и на лице его были видны и усталость, и помятость, и нервозность, которые обычно появляются на лице оперативников с возрастом и после суматошного ночного дежурства. Другой – совсем молодой паренек, пухлощекий и коренастый – еще не имел на своей чисто выбритой физиономии сколько-нибудь отличительных особенностей оперативной работы. Беспокойная жизнь опера еще не успела оставить на нем свой негативный след, и его лицо отражало лишь любопытство, присущее новичкам, считавшим, что быть сыщиком – это круто.

– Вы уж нас извиняйте, что беспокоим в такую рань, но у вас на этаже, вернее, в соседнем номере произошло ЧП. И сами понимаете, работа у нас такая...

Один из оперативников, тот, что был постарше и похудее, прошел в номер. Он по-деловому придвинул кресло к журнальному столику и, сев, жестом предложил Марии и Льву Ивановичу последовать его примеру.

Гуров не стал докладывать оперу, что он понимает, что значит оперативная работа. Ему сейчас было не до этого. Он хмуро присел на подлокотник кресла, в которое усадил свою жену, и приготовился услышать не очень приятное, но вполне привычное для него сообщение о трагедии, которая произошла... Впрочем, не важно когда – прошедшей ночью или уже утром. Важно было другое – с кем и почему это несчастье произошло.

– Кхм, – откашлялся оперативник и, сделав паузу, вздохнул. – Скажите, вы давно видели своих соседей из триста третьего номера? – задал он вопрос.

– Вчера вечером, примерно в половине шестого, мы разговаривали со своей соседкой, Ольгой, простите, не знаю ее отчества, Кирьяновой, – на вопрос ответила Мария, а Лев Иванович только кивнул, подтверждая слова супруги. – А что случилось? – задала она встречный вопрос и тут же предложила топтавшемуся на пороге молодому оперативнику: – Вы проходите, вот стульчик в углу стоит...

Молодой не стал проходить, покосившись на своего старшего коллегу, и только благодарно улыбнулся в ответ.

– Во сколько вы проснулись сегодня? – игнорируя вопрос Марии, продолжил спрашивать оперативник.

– Простите, вы не подскажете нам свое имя и отчество, а заодно и должность? – задал встречный вопрос Лев Иванович и пристально посмотрел на опера.

– Кхм, – снова откашлялся тот, словно в горле у него першило, и нехотя ответил: – Старший оперуполномоченный уголовного розыска Пятаков Илья Ильич. – Он вопросительно и с некоторым вызовом посмотрел прямо в глаза Льву Ивановичу.

– Мы проснулись около половины седьмого, – ответил Гуров, мысленно отметив для себя, что обмануть или убедить этого оперативника было бы нелегко ни виновному, ни тому, кого этот человек просто заподозрил бы в чем-то незаконном.

Взгляд у Пятакова хотя и был усталым, но в то же время жестким и непримиримым, что делало первоначальное впечатление о нем, как о человеке мягком и нерешительном, ошибочным.

– Скажите, что-то случилось с Ольгой? – Мария встревоженно посмотрела сначала на Пятакова, потом на молодого оперативника, а потом и на мужа, словно ища и у него ответ на свой вопрос.

– Я просыпался раньше, – отвечая на взгляд супруги, заметил Лев Иванович. – Посмотрел случайно на часы – было около половины пятого. Потом я снова уснул.

Его ответ, кажется, привлек внимание оперативника, и тот уже более заинтересованно посмотрел на Гурова.

– Ага, отлично, – сказал Пятаков, хотя радости ни в его интонации, ни во взгляде не наблюдалось. – Вы ничего подозрительного не слышали в этот промежуток времени? Ну, пока не уснули?

– А что именно я должен был услышать – стук, хлопок, удар, гул? Что?

Пятаков с интересом и некоторым подозрением посмотрел на Льва Ивановича и снова вздохнул.

– Выстрел, например? – спросил он.

Гуров спрятал улыбку, появившуюся было в уголках губ, и поинтересовался:

– Вы думаете, что я могу отличить выстрел от хлопка петарды или громкого стука закрывающейся двери?

– Лев Иванович, вот только давайте не будем тут говорить всякие глупости, – насмешливо посмотрел на него Пятаков. – Неужели вы думаете, что прежде, чем постучать к вам в номер, я не узнал, кто в нем живет? Весь отель уже знает, что вы – полковник из Москвы, из Главного управления уголовного розыска – Гуров Лев Иванович. Мы тут тоже работать умеем.

Гуров был несколько удивлен, но виду не подал, а лишь улыбнулся чуть виноватой улыбкой.

– Вы уж простите, я не хотел обижать вас, просто мне даже в голову не пришло, что меня тут уже все знают, – развел он руками. – Так что же все-таки произошло в соседнем номере в период с половины пятого до половины шестого?

– Нас и «Скорую помощь» вызвали по поводу огнестрельного ранения. Когда мы приехали на место, то узнали, что человек уже умер, и помощь медиков нужна только для того, чтобы официально констатировать наступление смерти, – нехотя ответил на вопрос Пятаков. – При первом осмотре места происшествия и опросе свидетельницы было установлено, что Кириянов Евгений Петрович был убит неизвестными в своей спальне в тот момент, когда его супруга находилась в ванной. Выстрела, по ее словам, она не слышала.

– О господи!

Мария закрыла рот ладонью и испуганно посмотрела на мужа. Лев Иванович успокаивающе опустил руку ей на плечо и спросил у Пятакова:

– Орудие убийства найдено?

Пятаков с сомнением, стоит ли говорить об этом (хотя бы даже и с полковником УГРО из Москвы, но все-таки находящемся на отдыхе), посмотрел на Гурова и, отведя взгляд в сторону, ответил:

– Да. Пистолет, из которого предположительно был произведен выстрел, обнаружился в сумочке у Кирияновой Ольги Михайловны.

Глава 5

– Кхм, – на этот раз в замешательство пришел сам Лев Иванович. Он как-то не очень представлял хрупкую и улыбочивую Ольгу Кирьянову в качестве хладнокровного убийцы.

– Не может быть, чтобы это сделала Оля! – категорично заявила Мария.

– Вы так хорошо знаете Кирьянову? – строго посмотрел на нее Пятаков, и Маша тут же сникла и лишь молча покачала головой в ответ.

– Вы ее задержите? – после недолгого молчания поинтересовалась Мария Гурова.

– Значит, ничего подозрительного вы не слышали и возле номера ваших соседей никого в период между половиной пятого и половиной шестого утра не видели, – вместо ответа выдохнул Пятаков и тяжело встал. – Что ж, пойдем работать дальше.

– В коридоре есть камеры, – как бы между прочим заметил Гуров. Пятаков неопределенно дернул головой, опустил голову, но промолчал.

– Илья Ильич, – Лев Иванович решительно встал и направился к двери вместе с Пятаковым. – Если не возражаете, то я хотел бы поговорить с Ольгой Михайловной и осмотреть место происшествия.

Пятаков резко остановился в дверях, обернулся всем корпусом к Гурову и посмотрел на него исподлобья.

– Хорошо, Лев Иванович, – коротко ответил он после недолгого раздумья и, развернувшись, вышел следом за своим молодым коллегой.

Гурову все больше и больше нравился этот немногословный оперативник, который не стал строить из себя всезнайку законов и правил оперативной работы, хотя, по всей видимости, таковым и был на деле. Попросив Марию побыть в номере и пока что не звонить и не беспокоить Крячко, Лев Иванович вышел в узкий коридор отеля и через пару шагов уже был возле двери триста третьего номера. Проход загораживал врач «Скорой помощи», который тихо беседовал с плачущей Ольгой, положив руку ей на плечо. Они посторонились, пропуская Пятакова и молодого оперативника, который, как нитка за иголкой, двигался за старшим напарником.

Увидев Гурова, Ольга шагнула к нему и прошептала севшим от пережитого голосом:

– Лев Иванович, я... Я ничего не делала...

И она снова расплакалась. Врач, искоса глянув на Гурова, заглянул в номер и сказал кому-то невидимому: «Мы поехали. Труповозку вызвали, через двадцать минут прибудет», – и быстрым шагом ушел в сторону лифта, возле которого уже стали собираться любопытные – горничные и жильцы с этажа.

Лев Иванович посмотрел вслед медику и только потом перевел взгляд на Кирьянову.

– Ольга Михайловна, расскажите мне все, что случилось, – попросил он.

– Я сама еще все плохо понимаю, – ответила женщина и провела рукой по бледному лбу. – Я словно нахожусь в каком-то страшном сне. Женя, красные от крови простыни, пистолет в моей сумочке...

Кирьянова говорила тихо, чуть покачиваясь, словно в трансе, и Гуров удивлялся, как она вообще еще стоит на ногах.

– Давайте-ка с вами пройдем в комнату. Вам нужно присесть. – Он взял Кирьянову за локоть и повел ее в ее номер. Та послушно, словно сомнамбула, шла и смотрела себе под ноги.

В номер их не пропустили. Дежуривший у дверей молодой оперативник сказал, что в комнатах работают криминалисты и входить пока что нельзя. Гуров понимающе кивнул и сказал:

– Передайте Илье Ильичу, что мы с Ольгой Михайловной будем в моем номере. Вас как зовут? – поинтересовался он на всякий случай.

– Андрей. Андрей Лемешев, – чуть ухмыльнувшись, представился тот и добавил: – Хорошо, передам.

Когда Лев Иванович привел Ольгу к себе в номер, Мария засуетилась, усадила Кирьянову в кресло и, сочувственно пожав ей руку, сказала:

– Поставлю варить кофе. У нас в номере есть и небольшая плита, и джезва, и кофейник.

Кирьянова посмотрела на Марию сначала непонимающе, а потом, слабо улыбувшись, кивнула:

– Да, спасибо.

Мария тревожным взглядом посмотрела на мужа и отошла, оставив их с Ольгой вдвоем.

– Оля, Ольга Михайловна. – Лев Иванович сел напротив Кирьяновой и, чтобы привлечь ее внимание, склонился к ней и взял ее руку в свою. – Вы можете рассказать мне, что произошло сегодня утром?

– Я не знаю...

Передернув плечами так, словно ей вдруг стало зябко, Кирьянова посмотрела остановившимся взглядом куда-то мимо Гурова, за его спину. Лев Иванович оглянулся, но никого у себя за спиной не увидел.

– Давайте начнем со вчерашнего вечера, – предложил он. – Чем вы занимались с Евгением Петровичем после ужина?

– Пошли прогуляться, – бесцветным голосом ответила Ольга. – Сначала мы пошли к морю и прошли по набережной, потом свернули на одну из улочек и набрали на какое-то кафе. Выпили мятного чаю. Женя любит мятный чай... Любил.

Она замолчала, судорожно всхлипнула, хотя глаза у нее были сухие, и продолжила:

– В номер мы вернулись около девяти часов.

– По дороге вас кто-то останавливал? Вы с кем-то разговаривали? – прервал ее Лев Иванович.

– На прогулке, на набережной, мы встретились с Игнатом Ивановичем Переделкиным. Это один из писателей. На самом деле он Иванов, а Переделкин – это его псевдоним. Он тоже прогуливался. Но с ним мы только поприветствовались и разошлись. Когда подошли к отелю, то встретили еще двух наших писателей – Ингу Корсун и Артура Павловича Слепакова. Они тоже откуда-то возвращались. Они у нас пара. Хотя и не муж и жена.

– Творческий тандем, – понимающе кивнул Гуров.

– Да, что-то вроде того, – подтвердила Кирьянова. – С ними мы перебросились парой слов. Просто потому, что вместе ехали в лифте. – Ольга нахмурилась, словно в раздумье, а потом нехотя призналась: – Женя со Слепаковым в контрах уже много лет.

– По причине чего? – поинтересовался Лев Иванович.

– Не важно. Это обычные писательские терки, каких немало в нашей среде, – снова нехотя отозвалась Кирьянова. – Знаете, как это бывает – один писатель завидует другому, считает себя лучше, талантливей, а своего оппонента интриганом и бездарью.

– Понятно, – только и сказал Гуров.

Он не стал углубляться в подробности и выяснять, кто из этих двух писателей мнил себя великим, а кого считали интриганом и бездарью. Судя по его наблюдениям за Кирьяновым и другими писателями, скорее всего – оба были хороши.

– Вечером кто-то к вам в номер заходил?

Ольга ответила не сразу. Она сидела, опустив голову, и словно бы раздумывала, как ответить на этот, казалось бы, простой вопрос. Потом вздохнула и сказала:

– Не знаю. По крайней мере, при мне никто не приходил. Но вечером в номере, вскоре после того, как мы вернулись, мы с Женей поссорились, и я ушла плавать в бассейне, на крышу, – призналась она. – Когда я вернулась, он был уже в постели и лежал, отвернувшись,

ясно давая мне понять, что не хочет со мной разговаривать. Он очень обидчивый и все всегда принимает слишком близко к сердцу... Вернее, принимал...

Она снова не выдержала и, закрыв лицо ладонями, расплакалась.

Появилась Маша с кофе. Она вопросительно посмотрела на Льва Ивановича, но тот только дернул плечом, давая понять, что он тут ни при чем. Они дали Ольге выплакаться, Маша принесла ей стакан воды, налив туда пустырника, и через пять минут все уже пили почти остывший кофе.

– Мы вообще-то с мужем очень редко ссорились, – через какое-то время Ольга сама вернулась к своему рассказу. – Но в тот вечер он, после того как столкнулся в холле со Слепковым, стал раздражительным и резко отреагировал на меня и на мои слова. Я молча легла, читала книгу, потом уснула. В этот вечер мы с ним больше не общались. А утром – я всегда просыпаюсь очень рано в отличие от Жени – я сразу же отправилась в душ...

Тут Ольга замолчала, поерзала в кресле, замялась, а потом нехотя призналась:

– Вернее, это я так полиции сказала, что была в душе. На самом деле в номере меня не было. Я опять поднялась на крышу. Я не хотела подставлять Катю. Ведь если выяснится, что она без позволения администратора открывает доступ к верхнему бассейну, то ее сразу же уволят.

– Кстати, а почему никого не пускают в этот бассейн? – спросила Мария. – Вроде бы как он есть, а плавать в нем нельзя. Странно.

– Просто в прошлом году с крыши отеля упал какой-то пьяный гость, который решил поплавать там ночью. Разбился сильно, не погиб, а только покалечился, и предъявил хозяйке отеля счет, подав на нее в суд. С тех пор, хотя в бассейн и накачивают воду, чтобы не пересохла трубы и вся система не полетела, пускать гостей на крышу запрещено.

– Да, за такое своеволие ее вполне могут выгнать, – согласилась Маша и посмотрела на мужа так, что он вдруг почувствовал себя виноватым в том, что Катю могут выгнать именно из-за него, из-за его посещений этого злополучного бассейна.

Гуров не стал отвечать на взгляд жены, а спросил у Ольги:

– Вы долго отсутствовали?

– Минут тридцать или тридцать пять. Но не дольше, – уверенно ответила она. – Я когда проснулась, то посмотрела на часы – было без четверти пять. Я взяла с собой на крышу телефон. Когда поплавала, посмотрела на время – прошло двадцать минут. Но я не сразу пошла вниз. Посидела еще какое-то время. Не знаю, сколько на самом деле прошло времени, но не так уж и много. Женю я не сразу обнаружила, – тихо, с виноватой интонацией в голосе добавила она. – В номере я сначала стала заваривать чай. Мы с Женей всегда, еще до завтрака, в половине шестого, пьем чай. Потом он какое-то время работает над рукописями, а в половине восьмого мы завтракаем. И такой порядок у нас всегда, независимо от того, где мы находимся, – добавила Ольга и тяжело вздохнула, по всей видимости вспомнив, что теперь этот порядок будет нарушен.

– Я думала, что он, как обычно, сам выйдет, но его все не было, и я пошла посмотреть. Мне было удивительно, что он так долго спит, – продолжила она.

– А когда вы ссорились, он обычно долго обижался? – прервал ее Гуров.

– Ой, нет, он очень быстро отходил! Если ссора была вечером, то уже утром он вел себя так, словно ничего и не было, – махнула рукой Ольга. – Мы с ним вообще жили очень дружно.

– У вас есть дети? – неожиданно спросила Мария.

– Детей с Женей у нас нет, – твердо и, как показалось Гурову, даже жестко ответила Кирьянова и опустила голову.

Лев Иванович переглянулся с женой. Они оба поняли, что этот вопрос является для Ольги весьма болезненным и находится на грани табу.

– Ольга, а вы не в курсе, на выходе на крышу есть камеры? – задал вопрос Лев Иванович, чтобы смягчить неловкость, появившуюся после вопроса о детях.

– Нет, кажется, нет. Хотя я не знаю. Надо у Кати спросить.

* * *

В дверь их номера постучали, и не успели они ответить, как она распахнулась, и вошел Пятаков.

– Я присоединюсь, – не спросил, а твердо заявил он и сел на стул, который поставил ближе к журнальному столику, вокруг которого расположились Гуровы и Кирьянова.

– Хотите кофе? – дружелюбно спросила Мария и встала. – Я как раз собиралась заварить свежий.

– Не буду возражать, спасибо, – коротко ответил Пятаков и тут же задал Кирьяновой вопрос: – Расскажите подробнее, как вы обнаружили тело мужа.

Ольга посмотрела на Гурова, словно спрашивая у него позволения, и тот чуть заметно кивнул ей.

– Какие уж тут подробности, – потупилась Ольга. – Я вошла в комнату примерно около половины шестого и, посмотрев на мужа, который лежал в кровати, увидела, что он... Знаете, – она вдруг испуганно и растерянно посмотрела на Пятакова, – вы удивительно быстро приехали.

– Мы были рядом, – снова кратко ответил оперативник. – Продолжайте.

– А потом – я сразу же вызвала полицию и «Скорую», – ответила Кирьянова. – Хотя – нет. Сначала я позвонила дежурному, а потом уже вам и в «Скорую помощь».

– Вы к мужу подходили? Тело как-то передвигали?

– Н-нет, не подходила, – чуть заикаясь, ответила Кирьянова и снова растерянно посмотрела на Гурова.

– Хорошо, – равнодушно ответил Пятаков и задал следующий вопрос: – Как вы объясните присутствие пистолета в вашей сумочке?

Кирьянова не успела ответить, как Гуров, положив ладонь ей на руку, жестом прося ее подождать с ответом, сам задал Пятакову вопрос:

– Илья Ильич, а как вообще вы так быстро нашли пистолет в сумке свидетельницы? Как это случилось?

Пятаков посмотрел на Льва Ивановича, как на назойливую муху, но ответил спокойным и ровным голосом:

– Я попросил Ольгу Михайловну дать мне паспорта – ее и мужа. Она взяла свою сумочку, и когда открыла ее, то вдруг отбросила ее в сторону от себя и сказала... Привожу дословно ее реплику: «Я этого не делала!»

Пятаков выжидательно посмотрел на Гурова, а потом перевел взгляд на Марию, которая принесла оперативнику чистую чашку и свежий кофе, на этот раз уже в кофейнике.

– Спасибо, – еще раз коротко поблагодарил он, когда Маша налила ему кофе в чашку, и спросил: – А сахар у вас есть? Я только с сахаром пью.

– Нет, – растерялась Мария, но потом предложила: – Хотите конфеты? – Она показала на вазочку со сладостями, которая стояла на тележке.

– Давайте, – вздохнул Пятаков и с самым серьезным видом принялся разворачивать обертку шоколадной конфеты.

– Да, так и было, – наконец-то тихо ответила Ольга. – Но я и вправду не ожидала, что в сумочке окажется пистолет. У нас и оружия-то сроду не было. И вообще, я даже не знаю, с какого конца к этому оружию подходить. Я ни разу в жизни не стреляла.

– Хорошо, – снова неопределенно-тусклым, казенным голосом сказал Пятаков. Он запил конфету двумя глотками горячего кофе и задал очередной вопрос, который на данный момент

волновал и Льва Ивановича: – Тогда как вы объясните тот факт, что оружие оказалось у вас в номере и даже в вашей сумочке?

Ольга вдруг задрожала всем телом, ее глаза наполнились слезами, она стала быстро-быстро мотать головой.

– Я не знаю, – выдавила она из себя и осипшим от волнения голосом быстро заговорила: – Это, наверное, тот, кто убил Женю. Это он положил пистолет в сумочку. Но я не знаю, кто бы это мог сделать. Я не видела, я была в ванной...

Она резко замолчала, поняв, что нечаянно, в волнении, едва не проговорила. Но Пятаков словно бы и не заметил этого, он посмотрел в свою опустевшую чашку и, подняв глаза на Марию, попросил:

– Можно мне еще кофе?

– Да, конечно же, – нервно улыбнулась Маша, налила оперативнику еще кофе и, подвинув ближе вазочку с конфетами, добавила: – Ешьте, не стесняйтесь.

Пятаков кивнул, не глядя на нее, и, протянув руку, взял еще одну конфету. Не торопясь, развернул, откусил половину, запил кофе и только после этого строго посмотрел на Кириянову.

– Ага, – словно бы согласился с ней Пятаков и посмотрел на Льва Ивановича. Гуров никак не показал, что он что-то знает на этот счет, и оперативник снова перевел взгляд на Кириянову.

– А вы знаете, что по всем имеющимся на данный момент уликам именно вы, Ольга Михайловна, являетесь подозреваемой номер один?

– Я? Я не... Нет, я ничего не делала, я не убивала Женю. Я даже... Я говорила ведь, что и стрелять не умею. – Ольга была на грани истерики, ее трясло, словно в ознобе.

Маша быстро налила в стакан воды и протянула ей, но она даже не смогла его взять в руки, так сильно они тряслись.

– Ваши соседи за стенкой... – все таким же спокойным тоном продолжал Пятаков. – У вас ведь только одни соседи, с правой стороны, не так ли? – Он посмотрел на Кириянову, но та никак не отреагировала на его взгляд. – Так вот, они сказали, что слышали, как вы вчера вечером ссорились с мужем. Они как раз вышли в коридор, чтобы идти в кино, и утверждают, что дверь в ваш номер была приоткрыта, и они ясно слышали раздраженные голоса. Повышенные тона, обвинения и все такое...

– И что, были какие-то угрозы со стороны Ольги Михайловны мужу? – не вытерпев, поинтересовался Лев Иванович.

– Нет, угроз они не слышали, – честно ответил Пятаков и положил в рот оставшуюся половинку конфеты.

Его пальцы были испачканы шоколадом, и он оглянулся в поисках салфетки. Маша, зорко следившая за всеми его действиями, тотчас же подала ему влажную салфетку.

– М-да, спасибо, – кивнул Пятаков. – Угроз не было. Но ведь мы с вами, – он посмотрел на Гурова, – и так знаем, что не обязательно угрожать кому-то, прежде чем... Кхм. Давайте сделаем так. – Оперативник немного помолчал и, по всей видимости, пришел к какому-то решению. – Давайте сделаем так. Вы, Ольга Михайловна, сейчас проедете с нами в отделение, и мы с вами еще раз подробно и под протокол обо всем поговорим. А вот что с вами будет дальше, буду решать уже не я, а следователь. И, может быть, даже суд.

– Суд? – Глаза Ольги вдруг стали такими большими, что Лев Иванович подумал, что таких больших глаз он еще ни у кого не видел. – Но как же! Почему суд?! Ведь я не виновата. Лев Иванович, Маша, что же мне делать-то?..

Кириянова встала с кресла, а потом, словно надломленная, тяжким грузом упала в него снова, и разрыдалась так горестно и безнадежно, что даже Пятаков поморщился. Но не оттого, что ему было неприятно слушать рыдания женщины, как он потом уже, много позже, объяснил Гурову, а потому, что он хотя и привык за время своей службы к подобным сценам, но всегда

воспринимал их слишком уж близко к сердцу. Особенно если чувствовал искренность в слезах невольных подозреваемых.

– Оля, не плачь, – обняла Кирьянову за плечи Мария и строго, даже с упреком, посмотрела на Пятакова. – Тебя еще никто ни в чем не обвиняет. Все образуется. Проведут экспертизу, которая докажет твою невиновность. Ты ведь не брала этот пистолет в руки?

– Нет, я только увидела его в сумочке и сразу же ее отбросила, – всхлипывая, ответила Ольга и вытерла нос салфеткой, которую ей протянула Мария.

– Ну, вот видишь, все будет нормально.

Пятаков встал, давая понять, что он должен идти, а заодно и увести Кирьянову.

– Лев Иванович, пожалуйста, – вцепилась в руку Гурова Ольга, – помогите мне! Найдите того, кто убил Женю!

– Ольга Михайловна, я так думаю, что местные оперативники обязательно его найдут, – озадаченно нахмурившись и посмотрев на Пятакова, проговорил Гуров. – Я как бы неофициально тут и не имею права вмешиваться...

– Да-да, Оленька, мы обязательно сделаем все, что в наших силах. – Мария глянула на мужа жгучим взглядом, а потом перевела его на Пятакова. – Илья Ильич, ведь можно сделать так, чтобы мы, вернее, Лев Иванович, немного помог вам? Нет, я не хочу умалять ваших способностей, но...

– Кхм. – Пятаков опустил голову, посмотрел на свои ботинки, немного помолчал, а потом протянул Гурову руку. – В общем, был рад знакомству, Лев Иванович. – И, кивнув на прощание, направился к выходу.

– Ольга, – остановил Лев Иванович Кирьянову, когда она, понурившись и нехотя отпустив руку Гурова, отправилась следом за оперативником. – Я советую вам все-таки рассказать о Кате, когда будете разговаривать со следователем или с Ильей Ильичом. Она – ваше алиби на момент убийства.

Ольга ничего не ответила, а только еще ниже опустила голову в ответ на слова Гурова и поплелась (другого, более точного, слова Гуров тут не находил) к дверям.

Когда двери за ними закрылись, Мария подошла к мужу и, обняв его, приникла головой к его груди.

– Все это так грустно, – сказала она и посмотрела на Льва Ивановича снизу вверх. – Мы можем чем-то помочь несчастной женщине?

– Привет, – от дверей раздался встревоженный голос Станислава Крячко. – Что тут у нас с утра происходит? Нас целый час не пускали к вам на этаж.

– Мы только что видели заплаканную Ольгу в сопровождении полицейского, – добавила вошедшая за мужем Наталья. – Народ в коридоре говорит, что кого-то убили. Лева, Маша, что случилось?

– Кирьянова убили, – хмуро отозвался Лев Иванович.

– Ты говоришь, убили Евгения Петровича? Да, дела... А кто это сделал, еще неизвестно? Впрочем, я уже догадываюсь, кто у местных оперов на подозрении. Ольга?

– Что ты такое говоришь?! – вскинулась было на Станислава Наталья, но потом, посмотрев на хмурую физиономию Гурова и грустное лицо Марии, всплеснула руками и категорично заявила: – Не может такого быть!

Глава 6

– Так что там все-таки случилось? – Крячко посмотрел на друга.

Лев Иванович вкратце рассказал все, что он узнал о происшествии от Пятакова и Ольги, и добавил:

– Так что может или не может такое быть, наверняка знать мы не можем, простите за каламбур. Не так уж много времени вы, вернее, мы все знаем Ольгу Михайловну. Да и каковы ее взаимоотношения с мужем, вы с Натальей наверняка не в курсе. – Он вопросительно посмотрел на жену. – Или?..

– Нет, мы с Олей ни разу не говорили на эту тему, – смущенно согласилась Мария.

– Ну, а раз так, то к чему гадать, – подвел итоги Лев Иванович.

– Чужая семья всегда потемки, а уж что говорить о семье малознакомой, – откликнулся, соглашаясь с Гуровым, Станислав. – Вполне может оказаться, что у нее был некий мотив для убийства, который нам неизвестен.

– И все-таки мне кажется, что Ольга не виновата. Не знаю почему. Скорее всего, это интуиция, какое-то женское предчувствие, – вздохнула Наталья.

– Лева, Станислав, – Мария задумчиво поглядела на мужа и Крячко. – У меня к вам просьба. Думаю, что Наташа тоже ко мне присоединится. Вам нужно обязательно заняться этим делом. Хотя бы до тех пор, пока не станет ясно – причастна Ольга к убийству или нет.

Гуров и Крячко переглянулись, а потом словно по команде одновременно вздохнули.

– Что ж, рыбалку придется отложить на какое-то время, – почесал в затылке Станислав. – Вот только подпустят ли нас к этому делу местные оперативники – это вопрос.

– Неофициальное добро мы уже получили от... – Маша посмотрела на Льва Ивановича, – Пятакова? – уточнила она фамилию оперативника.

– Да, Пятаков, – Лев Иванович снова вздохнул.

– В крайнем случае, у нас всегда есть к кому обратиться, – многозначительно посмотрела на Станислава Наталья, имея в виду их начальника Петра Николаевича Орлова. – К тому же у вас есть мы, которые будут держать ушки на макушке и передавать вам все разговоры и сплетни, касающиеся этого дела. Наверняка сейчас среди постояльцев начнутся пересуды, толки, обсуждения, будут строиться догадки...

– Отличная идея, – поддержала подругу Мария. – Двум любопытным посторонним женщинам наверняка расскажут больше, чем двум полковникам уголовного розыска и местным операм, вместе взятым. Как вы думаете?

– Мы думаем, что раз вы так уж обеспокоены судьбой Ольги Кирьяновой, то нам со Станиславом придется заняться ее делом, – с серьезным видом кивнул Лев Иванович. – Но на голодный желудок заниматься расследованием я не согласен. Так что пойдёмте завтракать, а потом мы уже решим, что делать и с чего начать.

– Я за такое предложение двумя руками. Пойдемте поедим, – отозвался Станислав.

Все направились на выход из номера, но в дверях столкнулись с тем самым молодым оперативником, который прибыл на место происшествия вместе с Пятаковым.

– Э... Лев Иванович? – вопросительно посмотрел он на Гурова и, когда тот кивнул, продолжил: – Мне позвонил Илья Ильич и просил передать вам, что вы можете осмотреть номер после того, как уедут криминалисты. Так вот, они уже уехали. И еще... – Парень замаялся. – Он сказал, что я могу быть полностью в вашем распоряжении.

– Вот даже как? – удивился Гуров. – Интересно. Ну да ладно, о мотивах такого решения я потом подумаю. – Лев Иванович переглянулся с Крячко. – Что ж, спасибо, Андрей. Я правильно запомнил ваше имя?

– Да.

– Что ж, раз так, то пока оставайтесь на этаже и следите, чтобы никто не сунул нос в номер, пока нас не будет, – добавил Лев Иванович и вместе с супругами Крячко направился к лифту.

– Хотите, мы принесем вам кофе и чего-нибудь перекусить? Наверняка вы сегодня еще не завтракали, – улыбнулась молодому оперативнику Мария, задержавшись и закрывая двери номера.

Парень смутился от такого внимания и отказался:

– Нет, спасибо, не стоит.

– Как хотите, – пожала плечами Маша и быстрым шагом догнала всю компанию.

Возле лифта, кроме Гурова и Станислава с Натальей, стояли еще двое мужчин, которые с любопытством поглядывали на сыщиков и многозначительно переглядывались между собой.

Когда вся компания вошла в лифт, один из писателей обратился к Гурову:

– Извините за неожиданный вопрос, но вы не подскажете, что же все-таки случилось с Кирьяновым Евгением Петровичем, нашим председателем конкурсной комиссии? Вы ведь соседи и должны знать.

– Пока что мы знаем не больше вашего, – ответил Лев Иванович и, в свою очередь, задал вопрос любопытному мужчине: – Вы ведь тоже с этого этажа?

– М-м-м... Да, но с другого крыла, – неопределенно махнул тот рукой в пространство и замолчал.

Все вышли из кабинки и направились в кафе, которое находилось на территории отеля. Писатели хоть и отстали, но шли за сыщиками и их женами как привязанные и даже сели за соседний с ними столик.

– Интересно, они что, теперь все время будут за нами ходить? – шепотом спросил Гуров Станислава, покосившись на парочку, что ехала с ними в лифте.

– Лева, у тебя мания преследования, – так же тихо отозвалась Мария, которая слышала вопрос мужа. – Расслабься. Люди просто пришли позавтракать.

– Кстати, можете распрощаться с идеей насчет того, чтобы узнать что-нибудь от местных сплетниц. Все видели вас с нами и теперь будут осторожны в словах, – заметил Гуров.

Станислав как бы невзначай осмотрелся вокруг и так же, как и Лев Иванович, тихо произнес:

– Мне кажется, что мы в центре внимания. Насколько я успел заметить, все в этом кафе, начиная от официантов и заканчивая постояльцами, прямо-таки...

Он не успел закончить предложение, как к их столику быстро подошел официант.

– Что будете заказывать? Кофе и чай сегодня за счет заведения, – улыбаясь и пытливо глядя на Крячко и Гурова, бойко отрапортовал он.

– У вас сегодня акция? – как бы невзначай спросила Наталья.

– Что-то вроде того, но это только для вас, – продолжал улыбаться официант.

Все четверо понимающе переглянулись и сделали заказ. Когда официант испарился так же быстро, как до этого возник возле столика, Лев Иванович сказал:

– Кажется, вокруг нас что-то назревает. Неспроста все эти вопросительные взгляды, акции только для нас и перешептывания, – кивнул он на соседний столик.

К двоим мужчинам с их этажа присоединились еще трое – две женщины и мужчина. Теперь они сидели и, наклонившись друг к другу, о чем-то тихо переговаривались, изредка бросая взгляды на столик, за которым сидели сыщики с женами.

– Наверняка Кирьянов вчера уже успел заочно нас представить всей этой писательской братии, – предположил Станислав. – Ведь если бы не убийство, то сидели бы мы сегодня в десять часов в конференц-зале и отвечали на разные вопросы относительно нашей работы.

Официант принес заказ, и все занялись завтраком, на время оставив все разговоры и об убийстве, и о предстоящем расследовании. Хотя то, что не обсуждали утреннее происше-

ствие, вовсе не означало, что все о нем забыли. Во всяком случае, Лев Иванович все время видел перед собой бледное личико Ольги и ее умоляющий взгляд. Все ее заверения, что она не убивала мужа, выглядели, по мнению Гурова, вполне убедительно. Но вот то обстоятельство, что у нее не было на время убийства твердого алиби и пистолет был найден именно в ее сумочке, перевешивало для Гурова слова о невиновности.

Лев Иванович прекрасно знал, как хорошо порой могут преступники изображать невиновность. В его практике бывали случаи, когда жены, хладнокровно убив мужей, могли вполне реалистично падать в обмороки, заламывать в отчаянии руки и заливаться безутешными слезами.

В его профессии оперативника не было места для чувств и эмоций. Все доказательства виновности или невиновности строились только на неопровержимых фактах, уликах и свидетельских показаниях. Да, возможно, современные методы поиска преступника и предполагают наличие профилирования – составления психологического портрета преступника, его привычек и индивидуальных особенностей, но Гуров привык больше доверять материальным свидетельствам, чем прогнозам, какие бы умники и профессионалы их ни составляли. Хотя в интуицию он, конечно же, верил. Но опять же, в интуицию, основанную на многолетнем опыте и на знании всех доказательных и вещественных аспектов в деле, на знании мотивов преступника, которые и привели его к преступлению.

Вот и теперь он, тщательно, но машинально пережевывая пищу, размышлял обо всем, что было ему известно об убийстве Кирьянова на этот момент. Лев Иванович все больше приходил к выводу, что однозначного мнения на сей счет он не имеет, и до этого однозначного мнения ему еще очень даже далеко. Мотив убийства пока что не просматривался, а поэтому говорить о том, виновата Ольга или нет, не имело ни малейшего смысла.

– Э, простите, еще раз...

Из задумчивости Гурова вывел знакомый уже голос. Он поднял голову и увидел, что перед их столиком стоит все тот же бородач, что ехал с ними в лифте, а рядом с ним – женщина в сарафане линялого голубого цвета с огромными воланами на груди и довольно безвкусной шляпке с огромными полями. Дама натянута улыбалась, пытаясь выглядеть приветливой, но ее небольшие глазки настороженно и оценивающе бегали по лицам и нарядам сидевших за столиком Гурова женщин.

– Разрешите представиться, – протянул мужчина руку для рукопожатия, но как-то неопределенно, словно не зная, кому ее лучше протянуть – Гурову, Крячко или кому-то из их жен. – Игнат Иванович Переделкин. Это мой псевдоним, – быстро пояснил он. – А это, – он повернулся к стоящей рядом женщине, – Ирина Яковлевна Реус. Не знаю, слышали ли вы эти фамилии, – нервно рассмеялся он. – Но, впрочем, я не к тому веду. Мы, знаете ли, писатели. Детективы пишем. Впрочем, – снова повторил он это слово, – мы уже слышали о вас от Евгения Петровича... Да. Кирьянова.

– Послушайте, Игнат Иванович, что вы, в самом деле, мямлите как маленький, – вмешалась Реус. Она недовольно посмотрела на Переделкина, а потом, взглянув на Гурова и Крячко, прямо заявила: – Мы бы хотели просить вас заняться расследованием этого неприятного дела.

– Мы – это вы и Игнат Иванович? – скрывая улыбку, поинтересовался Станислав.

– Мы – это все писатели, которые находятся в этом, – она небрежно махнула в сторону входа в отель рукой, – доме, в этой гостинице. Мы не верим в виновность Ольги Михайловны. Мы все знаем ее уже не один год и готовы заявить, что она замечательный человек и не способна на такие вот...

Дама, не находя, по-видимому, нужного слова, покрутила кистью руки в воздухе.

– Да, мы не верим, – эхом отозвался Игнат Иванович.

– А почему вы решили, что мы согласимся расследовать? – Гуров серьезно посмотрел на Переделкина и Реус. – Мы тут в отпуске и не имеем полномочий. К тому же расследованием уже занимаются местные оперативники.

– Ах, – Ирина Яковлевна закатила глаза. – Местные. Какой-то там капитан непонятный и молоденький мальчик, который недавно школу закончил. Что они могут раскрыть? А вы, – она торжественно взглянула на Крячко и Гурова, – вы полковники как-никак, да еще и из Москвы, из Главного управления.

– А вы весьма осведомлены, Ирина Яковлевна! – удивленно приподнял бровь Гуров. – Даже мы не знаем звания оперативника, ведущего расследование.

– Хм, – улыбнулась довольная собой Реус. – Профессия, знаете ли, обязывает. Я ведь, кроме того, еще и журналистка, – с пафосом добавила она.

– Ах, вот как! Ну, тогда мне многое понятно, – Гуров не удержался от иронии и, чтобы не выдать себя улыбкой, откинулся на спинку стула и опустил голову.

– Что понятно? – не понял Переделкин и посмотрел на Реус.

– Лев Иванович имеет в виду, что понял мой намек, – загадочно ответила Ирина Яковлевна.

– А вы на что-то намекали? – В голосе Игната Ивановича пробивались нотки обиды из-за того, что он не смог разгадать игры своей коллеги.

Реус промолчала, за нее ответил Гуров:

– Даже если мы возьмемся за расследование, я не думаю, что мы будем рассказывать вам обо всем, что узнаем, – сказал он.

– А вот с вами мы бы с удовольствием переговорили, – улыбаясь, добавил Станислав Крячко. – Наверняка у вас и ваших коллег по перу найдется много интересного на тему взаимоотношений в писательской среде, и в частности, с Кирьяновым Евгением Петровичем. Может, вы даже знаете некоторые подробности его личной жизни. Ведь ратуете же вы за Ольгу Михайловну по какой-то причине.

– По какой-то причине... – фыркнула Ирина Яковлевна. – Причина одна – эта женщина не могла убить своего мужа, она его просто боготворила.

– Ну, это не аргумент, – все так же улыбаясь, ответил Крячко. – В нашей практике мы повидали всякого.

– В любом случае я так думаю, что вы более компетентны и сможете разобраться в этой истории лучше, чем... – Ирина Яковлевна не договорила, давая понять, что и так все понятно.

Внимательно наблюдавшая за диалогом Мария, взглянув на мужа, поняла, что он готов ответить назойливой даме резкостью, и решила вмешаться.

– Знаете, – сказала она миролюбиво, посмотрев на Реус, – мы и сами думаем так же, как и вы. Обещаю, что наши мужья сделают все возможное, чтобы найти убийцу. Но вы ведь понимаете, что расследование будет неофициальным. Они, – Мария посмотрела на мужа и Станислава, – не имеют права вмешиваться в официальное расследование.

– Боже! Да хоть бы и так. Пусть неофициально. Мы поможем, чем сможем. Правда ведь, Ирина Яковлевна?! – воскликнул Переделкин.

– Конечно. – Тонкая бровь Реус многозначительно приподнялась.

– А теперь можно, мы спокойно доедим наш завтрак? – тихо, но тоном, не терпящим возражения, спросил Лев Иванович.

– Прошу нас простить, – ничуть не смущаясь и абсолютно не жалея о своем бесцеремонном вторжении, ледяным тоном произнесла Реус и, развернувшись, отправилась к столику, за которым за ними внимательно следили три пары глаз.

– Э-э-э, извините нас, что помешали, – чуть ли не расшаркался Переделкин и тоже поспешил ретироваться.

– Вот увидите, спокойно расследовать нам это дело они не дадут, – проворчал Лев Иванович, отодвигая от себя уже остывший кофе.

Глава 7

Едва они встали из-за стола и направились к выходу из кафе, как все вокруг них ожили. Посетители начали оглядываться на них и перешептываться еще активнее. Несколько человек торопливо стали заканчивать свой завтрак и расплачиваться с официантом с явным намерением последовать за всей их компанией.

Наталья и Мария вели себя так, словно не замечали ничего странного, и спокойно прошествовали через зал. Станислав Крячко находил ситуацию забавной и тоже шел, улыбаясь и кивая налево и направо, отвечая на приветственные кивки в их сторону. Один Лев Иванович тяготился этим повышенным вниманием и, хмурый, заложив руки за спину, шагал, не глядя по сторонам.

– Это еще только цветочки, – ворчал он в спину Станиславу. – Ягодки будут, когда мы и выйти из номера не сможем, чтобы не наткнуться на какого-нибудь писаку, дежурящего у наших дверей.

Его прогнозы начали сбываться сразу же по выходе из лифта. На этаже была тьма народу. Причем это были не только гости отеля – писатели, журналисты и рецензенты, но и персонал гостиницы – парочка горничных, какой-то тип в униформе – не то посыльного, не то шофера отеля – и один из дежурных охранников. Гуров и Крячко сразу же выделили их из всей толпы и, переглянувшись, молча шагнули в их сторону, тогда как их жены спокойно направились к номеру, где остановились Гуровы.

– Здравствуйте, – поздоровался Гуров за руку с охранником. – Это хорошо, что вы тут стоите, но вот почему столько народу на этаже? Разве вы не должны следить, чтобы люди не толкались возле места преступления?

– Ну, в общем-то, я тут и стою, чтобы безобразий никаких не случилось, – тут же нашелся с ответом немолодой уже охранник. – Но никто ведь близко к номеру не подходит. Да и вон, – кивнул он в сторону Андрея Лемешева, – оперативник стоит. Они и не посмеют приблизиться. А так-то чего мне их гонять? Писатели – народ любопытный...

Словоохотливый охранник и дальше бы объяснял то, что и без слов было видно и понятно, но Лев Иванович его перебил:

– Кто сегодня дежурил на этаже из горничных?

– Я, – пискнул кто-то за его спиной тонким девичьим голосом.

Лев Иванович оглянулся и увидел симпатичную девчушку лет девятнадцати-двадцати, круглолицую, с ямочками на щечках и с глазами, похожими на две черешенки. Кудрявые черные волосы горничной были спрятаны под бело-голубой платочек, и только одна непослушная завитушка выбивалась кокетливо на висок. Сама она была немного ниже среднего роста, стройная, но несколько полноватая, если сравнивать ее с теми критериями, которая современная мода навязывает всем девушкам ее возраста. Гуров невольно улыбнулся. Девчушка понравилась ему своей необычной внешностью и тем, как она держалась – скромно и чуть боязливо. По ней сразу было видно, что девушка она простая, и эта простота подкупала оперативника.

– Вас как зовут? – спросил он и, взяв ее за локоток, повел в сторону от остального народа. Станислав сразу же приступил к опросу второй горничной – худой и высокой женщины лет тридцати шести, крашеной блондинки, которая назвалась Катериной. Гуров, краем уха услышав имя, подумал: «Наверное, та самая, которая нам доступ на крышу открывала». Эта мысль отвлекла его, и он не расслышал, как назвалась девушка.

– Простите, я не расслышал. Как вас зовут? – переспросил он.

– Мира, – ответила девушка и настороженно посмотрела на Льва Ивановича. – Мира Евсеева. Мира – с одной «р», – добавила она после некоторой паузы.

– Мира с одной «р», расскажите мне о ваших обязанностях дежурной по этажу, – улыбувшись, попросил ее Лев Иванович. Он подумал, что если начать с нейтрального вопроса, то девушка постепенно перестанет стесняться или бояться его. Он не мог сразу распознать ее чувств, но знал наверняка, что именно он был причиной ее скованности и зажатости, а не ее скромный характер.

– Моя смена начинается с восьми вечера и длится до восьми вечера следующего дня. Мы работаем сутки через двое, – стала подробно рассказывать Мира. – На этаже работаю я, Лина Бейлина, она сейчас выходная, и Екатерина Васильевна. – Мира кивнула в сторону второй горничной.

– А как фамилия Екатерины Васильевны? – решил уточнить Лев Иванович.

– Роднина. Она, кроме того, что дежурит с нами на этаже, является старшей горничной. Следит за сменами и за тем, как выполняют свои обязанности другие горничные.

– Ага, понятно, – кивнул Лев Иванович. – Так что, какие у вас обязанности на этаже?

– Каждый день убирать мусор в номерах, влажная уборка у нас по графику. Его тоже, кстати, Екатерина Васильевна составляет. Меняем полотенца через день, а постельное белье через пять дней. Если есть отдельные просьбы от гостей, например, принести свежую воду в холодильник или у кого-то нет с собой халата и тапочек, то мы все это приносим. Нам выдают под роспись. Потому что если что-то пропадет, то с нас высчитывают потом, – потупившись, добавила она.

– Странные порядки. Не горничные ведь вещи воруют, почему же с вас высчитывают? – нахмурился Лев Иванович, но Мира только плечами пожала.

– Но в мою смену, – добавила она уже смелее, – еще ни разу ничего не пропадало.

– А уборку вы когда делаете? В смысле – в какие-то определенные часы?

– Ну, генеральную уборку мы делаем сразу после того, как жильцы съезжают. Буквально в течение получаса и делаем. Потому что через час уже другие гости могут заселиться. А вообще следим, когда постояльцы выходят из номера в город или на обед, и заходим, проверяем, что нужно донести, если не хватает, что убрать, что заменить на свежее. Влажную уборку тоже в основном в отсутствие гостей проводим.

– У вас, значит, имеются ключи от номеров...

– Да, универсальный ключ – от всех номеров на этаже.

– Коридоры вы тоже моете?

– Да, конечно же! – Мира потрянула головой с таким энтузиазмом, что из-под косынки, словно пружинка, выпрыгнула еще одна непослушная кудряшка и упала ей на лоб. – Три раза в день мы обязаны протирать коридор, лестницу и лифт. Утром, пока все завтракают, в обед и вечером, часов в десять, когда в основном все жильцы уже по номерам расходятся.

– Вчера вечером, часов в десять, – уточнил Лев Иванович время, которое его интересует, – вы тоже протирали пол на этаже?

– Да, – кивнула Мира и вдруг нахмурилась, словно вспомнила что-то не очень приятное.

Гуров сразу же обратил на это внимание и спросил:

– Что случилось? Вы что-то вспомнили?

Мира кивнула, но рассказывать не стала, словно ждала, когда ей зададут наводящий вопрос. И Лев Иванович его, конечно же, задал.

– Вы что-то слышали или видели? Что-то необычное или неприятное?

Девушка несколько секунд молчала, а потом нехотя ответила:

– Слышала, как спорили в номере два голоса. Один звучал глухо и спокойно, а второй был громкий и нервный.

– Голоса были мужской и женский? – Лев Иванович словно клещами вытягивал из Миры слова.

– Нет, оба были мужскими.

– И о чем же эти голоса спорили?

– Спорили? Нет, они не спорили. Тот мужчина, что говорил громко, требовал у другого, чтобы он не... Дословно это звучало так: «Не выпендривайся, Женя! Ты же прекрасно знаешь, что Инга написала лучший рассказ в этом сезоне и достойна премии. Ты ведь читал все эти убожества!» Что ему ответили, я не расслышала, голос был тихий, но после этого тот, другой, словно с цепи сорвался и начал еще громче кричать. – Мира перевела дыхание и продолжила рассказывать под требовательным взглядом Гурова: – Потом я включила пылесос и не слышала, о чем они говорили.

– Пылесос... – задумчиво произнес Лев Иванович.

Он припомнил, что вчера вечером тоже слышал из спальни приглушенный звук пылесоса из коридора, но не обратил на это особого внимания.

– Да-да, – посмотрел он на замолчавшую Миру. – Так что там было дальше?

– А потом дверь широко распахнулась. Вернее, даже не просто распахнулась, а чуть не соскочила с петель и не сбила меня с ног, и из номера выбежал мужчина. Высокий, но не худой, темноволосый, растрепанный и красный весь. Я выключила пылесос и хотела просить мужчину, чтобы он не открывал так резко двери, но он не обращал на меня внимания и продолжал кричать.

Мира снова замолчала и, потупив глаза, стала смотреть на носки своих туфель. Гуров терпеливо ждал.

– Он крикнул: «Ты еще пожалеешь о своих словах и будешь плакать кровавыми слезами и умолять меня».

Девушка снова замолчала и вопросительно посмотрела на Льва Ивановича, словно ожидая от него какой-то особой реакции на свои слова, но тот молчал, и тогда Мира пояснила:

– Второго мужчину, который жил в номере... Ну, тот, которого убили... Его видно не было. Он, наверное, был где-то в глубине комнаты. А высокий, не дождавшись ответа на свои слова, вдруг с такой силой захлопнул дверь, что даже штукатурка от стены отлетела. Я ему крикнула: «Что вы творите?!», но он только глянул на меня со злостью и широким шагом пошел к лестнице.

Мира замолкла.

– Все? – уточнил Лев Иванович, подождав полминуты и выдержав паузу.

– Да, все, – кивнула Мира.

– А второй мужчина из номера больше не выходил?

– Нет, не выходил. Когда ушел скандалист, я штукатурку пылесосом собрала, а потом Екатерине Васильевне позвонила и все рассказала, чтобы она у себя отметила, что надо закрасить стену в коридоре, – Мира неопределенно махнула рукой в сторону триста третьего номера. – В тот вечер больше я уже не видела ничего особенного. Домыла пол и ушла в комнату горничных.

– А где находится комната горничных?

– На первом этаже. В правом от лифта крыле здания. Там у нас и хозяйственные помещения, и комната охраны. А в левом крыле тренажерный зал и конференц-зал, – добавила горничная.

– Да, я помню, – кивнул Лев Иванович. – Что ж, Мира, спасибо вам, что помогли. Вас уже опрашивали сегодня оперативники?

– Нет пока, – опустила та голову. – Но мне сказали, что я могу идти домой, и взяли номер телефона.

– Ну, хорошо. А мне вы свой номер телефона не дадите?

– Дам, – чуть улыбнувшись, тихо ответила Мира. – Вы ведь полковник из Москвы? Тоже будете расследовать? – поинтересовалась она.

– Меня попросили, – неопределенно и как бы извиняясь, ответил Гуров.

Мира продиктовала ему свой номер, и он, еще раз поблагодарив, отпустил ее. Оглядевшись, Лев Иванович увидел, что Крячко все еще беседует со старшей горничной, а народу в коридоре прибавилось вдвое. Покачав в недоумении головой, Гуров подошел к спокойно стоявшему среди толпы писателей охраннику и хмуро спросил:

– Послушайте, мне обязательно нужно переговорить с вашим начальством, чтобы вы занялись своими прямыми обязанностями и навели порядок на этаже, где произошло убийство?

Пожилой охранник, словно очнувшись ото сна, вдруг ожил и развил бурную деятельность, невольно напомнив Льву Ивановичу персонаж из рассказа Чехова об унтере Пришибе-еве. Все вокруг вдруг заколыхалось и ожило. Началось движение. Одни жильцы с этажа быстро, но при этом постоянно оглядываясь на Гурова и Крячко, стали расходиться по своим номерам. Вторая партия постояльцев, тех, что жили на других этажах, парами нехотя отходили к лестнице и лифту, и тоже все время оглядывались, словно в ожидании, что сыщики вдруг передумают и, остановив их, начнут опрашивать всех разом.

Гуров снова покачал головой. С одной стороны, он понимал всех этих людей – они переживали в некотором роде шок от случившегося, ведь убили их соратника по перу, председателя конкурсной комиссии и заслуженного члена Союза писателей. Но в то же время он терпеть не мог, когда люди просто из любопытства вертелись у него под ногами. Наблюдая за тем, как рассасывается толпа, он одновременно анализировал то, что услышал от Миры.

– Инга, – пробормотал он имя, которое упомянул, по словам горничной, черноволосый скандалист. И ему припомнилось, что он уже слышал сегодня это имя.

«Ах, да! Инга Корсун, – вспомнил он. – Ее упоминала Ольга, когда рассказывала о том, кого они встретили вчера вечером, возвращаясь в номер после прогулки».

Гуров записал это имя себе в маленький блокнот, который по старой привычке, вместе с авторучкой, всегда носил с собой в кармане не только на работе, но и когда просто выходил из дома. Кто знает, как повернется жизнь, и не понадобится ли записать что-то важное. Хотя на память Лев Иванович пока еще не жаловался, но считал, что лучше уж подстраховаться, чем в самый нужный момент не иметь возможности записать что-то важное и нужное.

«Надо будет побеседовать с ней и с ее защитником-крикуном, – размышлял он. – Наверняка это именно тот самый писатель, с которым у Кирьянова, по словам Ольги, были напряженные отношения, и приходил скандалить к нему в номер».

– О чем задумался?

Вопрос подошедшего к нему Станислава Крячко вывел Льва Ивановича из задумчивости.

– Да так... Ты лучше расскажи, что тебе удалось узнать от уважаемой Екатерины Васильевны? – ответил Гуров вопросом на вопрос. Не то чтобы ему не хотелось отвечать Станиславу, просто Гурову было важно сейчас узнать показания Родниной.

– Сегодня она вступила на смену как обычно – в семь утра, а поэтому узнала о происшествии, только когда пришла на работу, – стал рассказывать Станислав. – Смена сегодня у нее суточная, как и у обычной горничной – дежурной по этажу. Но она, как старшая, обязана приходить на работу каждый день не в свою смену – с восьми вечера до восьми вечера следующего дня, – а еще и по утрам. В тот день, когда у нее случается выходной, она уходит домой в двенадцать. В ее обязанности, как старшей горничной, входит следить за тем, чтобы все сотрудницы были на рабочем месте.

– Да, я в курсе, Мира мне об этом сказала, – кивнул Лев Иванович, внимательно слушая Крячко.

– Так вот. По ее словам, никаких необычных ситуаций, таинственных заговоров и неприятных происшествий она за жильцами вчера не наблюдала. Все было, как всегда – тихо и мирно, – продолжил Станислав. – И да – это она просила Миру открыть вчера вечером

и сегодня утром выход на крышу для Ольги Кирьяновой. Позвонила из дому и попросила, сказав, во сколько и на какой период времени открыть.

– Интересно, а вот Мира мне об этом и словом не обмолвилась, – Гуров усмехнулся.

– Она и не сказала бы тебе об этом, даже если бы ты ее спросил. Я так понимаю, что ты ее об этом и не спрашивал. Ведь так? – Гуров кивнул, и Станислав продолжил. – Они тут, я имею в виду горничных по вашему, третьему этажу, весьма уважают Роднину. Она для них непререкаемый авторитет. И к тому же она делится с ними тем, что зарабатывает нелегально, пуская гостей в бассейн на крыше.

– Это она сама тебе об этом сказала – об авторитете и дележе дополнительных заработков? – удивленно приподнял брови Лев Иванович.

– Не сразу, но сказала. Я имею в виду не информацию об ее авторитете, а о дополнительном заработке. Пришлось надавить и сказать, что молчать ей нет смысла, ведь мы и так все знаем. А насчет авторитета – это я просто позволил себе высказать предположение после того, как ты сказал, что дежурная горничная тебе ничего не рассказала об их незаконном бизнесе.

– Согласен, – буркнул Лев Иванович, – что, если бы не уважали, так сразу бы все выложили. Но вот вопрос – была ли Ольга вечером и утром на крыше? Екатерина Васильевна наверняка этого не может знать, раз в это время она была дома, – констатировал Гуров.

– Не может. И дежурная горничная тоже не может. – Станислав подождал, когда мимо них прошествует какой-то писатель, и продолжил: – Они, по словам Екатерины Васильевны, только открывали дверь и сразу уходили, чтобы их случайно не увидел дежурный охранник. Оказывается, в отеле заведено делать поэтажные обходы каждые три часа. Причем круглые сутки – и в светлое время, и ночью. Хотя график и предусматривал обход в определенное время, из охранников мало кто придерживался точного расписания. Каждый из дежурных сам решал, сколько раз за смену ему обходить этажи. Ходили и чаще, чтобы просто размяться. То есть они могли подниматься на этаж и через каждый час. Но, по словам Екатерины Васильевны, не позже, чем через три часа, – уточнил Крячко.

– Надо узнать, с какой периодичностью дежурный посещал этажи вчера вечером и утром.

– Перед тем как подойти к тебе, я спросил охранника, – Крячко кивнул в сторону стоявшего в стороне дежурного, – когда у них пересменка. Он сказал, что в семь утра. Так что в момент убийства его самого тут не было. А тот служивый, которого он сменил, уехал домой сразу, как только он, его сменщик, появился на пороге.

– Хм, интересно, – заинтересовался Лев Иванович. – Человек, в смену которого произошло ЧП, не стал задерживаться, чтобы узнать подробности, а быстро уехал.

Гуров решительно подошел к пожилому охраннику и спросил:

– Простите, как вас зовут?

– Зачем вам? – подозрительно посмотрел на него мужчина.

– Мне хотелось бы задать вам пару вопросов, – с нотками раздражения ответил на глупый вопрос Лев Иванович.

– А-а-а, – облегченно протянул тот и назвал: – Рылов я, Иван Иванович.

– Иван Иванович, вы сегодня сменили вашего напарника ровно в семь?

– Да, – важно ответил Рылов. – Ни минутой раньше и ни минутой позже. Я всегда стараюсь быть точным.

– Прекрасно. А как зовут вашего коллегу, которого вы меняли?

– Антон его зовут. Кхм, – смущенно кашлянул он и добавил уже более уверенно: – Антон Тропинин. Отчество его я, правда, не знаю. Молодой он еще. Чего мне его по отчеству-то звать.

– И он, значит, как только его сменили, так сразу же и ушел?

– Да, сразу. Даже не ушел, а убежал, знаете ли.

– А о том, что в отеле убили человека, вы узнали... От кого?

– Так от начальника охраны и узнал. От Алексея Егоровича.

– Ага, понятно. А начальство ваше тоже в отеле с вами весь день дежурит? – не совсем понял Гуров.

– Нет, зачем же, – удивился Рылов. – Алексей Егорович – человек занятой. У него в подчинении и другие охранники есть, кроме нас. Наша охранная фирма... У нее только восемь отелей под охраной, а всего объектов по городу не меньше двадцати наберется. Зачем ему с нами сидеть?

– Но Алексей Егорович не хозяин? Как, кстати, фирма ваша называется? – задал вопрос Крячко, который во время разговора находился рядом.

– Нет, он не хозяин, – повертел головой Рылов. – Он только старший по отелям. Ну, курирует отели. Следит, чтобы все охранники вовремя выходили на смены. Опять же, он и отпуск, и выходные распределяет, и все вопросы, какие надо, решает. А на других объектах – там свое начальство. А называется фирма ООО «Богатырь». Фамилия хозяина – Делягин.

– Понятно. А вы, значит, на суточные смены выходите? – подсказал охраннику Лев Иванович направление беседы, которое его интересовало.

– Сутки через двое мы работаем. Трое нас в этом отеле постоянных охранников. Но один сейчас в отпуске, поэтому приходится пахать пока что сутки через сутки, – обреченно вздохнул Рылов.

– Телефон напарников и начальника у вас есть? – Гуров приготовился записывать.

– А как же! И первого напарника, и второго, и начальника телефон – все контакты есть.

Мало ли какая ситуация приключится.

Рылов продиктовал номера телефонов сменщика и начальника охраны, и Гуров поинтересовался у него:

– Начальник ваш, Алексей Егорович, еще в гостинице?

– Нет, уехал. Как только оперативник – этот, который дело ведет, – уехал, так и он тоже уехал. – Охранник вдруг засуетился, посмотрел на часы и торопливо спросил: – Я могу идти? У меня, понимаете ли, дела, работа стоит, обязанности...

– Идите, – махнул рукой Гуров, и Рылов чуть ли не бегом кинулся к лестнице.

– Чего это он вдруг об обязанностях вспомнил? – усмехнулся Крячко.

* * *

Лев Иванович не успел ответить, как за их спиной кто-то нерешительно покашлял. Они обернулись и увидели молодого оперативника, который с видом обиженного ребенка топтался возле них.

– А, Андрей. – Гуров смутился.

Лев Иванович напрочь забыл о существовании оперативника, которого Пятаков так ненавязчиво оставил им то ли в помощь, то ли для того, чтобы иметь при них своего человека и следить, чтобы полковники, не дай бог, не влезли куда-нибудь не туда без его, Пятакова, ведома.

«Скорее всего, – мысленно рассудил Гуров, – и то, и другое вместе». По первому впечатлению опытного в составлении психологических портретов Гурова, Илья Ильич был личностью неординарной, но тщательно скрывающей эту свою особенность за замкнутостью и неразговорчивостью.

– Лев Иванович, что мне делать? – недовольным голосом поинтересовался Лемешев.

– Кхм. – Гуров кашлянул и, улыбнувшись, спросил оперативника: – Слушай, может, ты есть хочешь? Уже девятый час, а ты и не ел еще. Иди – поешь чего-нибудь или кофе выпей. Мы тебя со Станиславом Васильевичем подождем в моем номере, а потом вместе пойдем место происшествия осматривать, – поспешил он добавить, видя, как Андрей уже открывает рот, чтобы ему возразить.

– А заодно послушай как бы невзначай, что там, в коридорах и кулуарах, говорят постольцы и работники отеля, – добавил Крячко, улыбнувшись и подмигнув Лемешеву.

– Да, а мы пока подумаем и составим список, с кем нам нужно в первую очередь переговорить, чтобы составить себе полную картину произошедшего, – подыграл другу Гуров.

– Но вы ведь... – начал был спрашивать Лемешев, но Лев Иванович перебил его.

Он похлопал парня по плечу и сказал:

– Иди, иди. Мы тебя ждем. Уметь из пустопорожних людских разговоров добывать нужные сведения тоже надо учиться. Так что держи уши на макушке и слушай, что говорят вокруг тебя. Фильтруй, а потом нам расскажешь, что узнал интересного. Да и от голодного оперативника никогда еще не было толку. Это первое оперативное правило. Так-то, брат!

Нерешительно, с оглядкой и чувствуя подвох в словах Гурова, Андрей направился к лифту.

– Ну, ты и сказанул, – хохотнул Крячко, когда Лемешев вошел в лифт. – От голодного оперативника не было толку! Кто бы говорил.

– Должен же я был хоть что-то сказать, чтобы он оставил нас одних. Мало нам с тобой писателей-детективщиков. – Лев Иванович кивком головы указал на парочку мужчин, которые делали вид, что просто неторопливо прогуливаются по коридору, но при этом то и дело бросали пристальные взгляды на сыщиков, – так еще и персонального топтуна нам не хватало. Пойдем скорее и посмотрим, что там, в номере, – потянул он за рукав Станислава в сторону номера Кирияновых. – Правда, я сомневаюсь, что после экспертов там что-то найдется интересное, но кто знает.

Полковники торопливо подошли к номеру и, оглядевшись, быстро открыли двери и вошли. От внимания Гурова, когда он закрывал дверь, не ускользнул тот факт, что прогуливающиеся по коридору детективщики направились в их сторону.

– Времени у нас немного, поэтому не будем его терять. Ищи в гостиной, – наказал он Станиславу, а сам направился в спальню.

Что именно должен был искать Крячко, Гуров уточнять не стал. Станислав и сам прекрасно знал, что конкретики в этом «ищи» не было никакой, и искать они должны были все, что могло им дать хоть какую-то подсказку о том, что произошло в номере в течение того времени, когда отсутствовала Ольга. Хотя отсутствовала ли она вообще в это время – это еще тот вопрос. Верить кому бы то ни было на слово ни Гуров, ни Крячко, если дело касалось убийства, не были расположены. Они доверяли только фактам и неопровержимым, опять же, основанным на фактах, свидетельствам.

Прошло около пяти минут тщательного осмотра, и Лев Иванович уже стал сомневаться, что они вообще что-то обнаружат после криминалистов, как вдруг удача улыбнулась ему. Он лег на пол и решил заглянуть под кровать, чтобы узнать, как тщательно убирается гостиничный номер, и не найдется ли там чего-нибудь важного для их с Крячко следствия. Гуров лег на пол и подсветил себе фонариком с телефона. И вот там, под кроватью, прямо у самой стенки он заметил какой-то небольшой и круглый предмет.

– Станислав, зайди на секунду! – позвал он, вставая. – Помоги мне сдвинуть кровать.

Вместе они с большим трудом отодвинули громоздкую мебель на пару сантиметров. Лев Иванович нагнулся и аккуратно, двумя пальцами, через носовой платок, поднял с пола пуговицу.

– Хм, очень интересная пуговица, – стал рассматривать ее Гуров. – Смотри. – Он указал Станиславу на изображение якоря, нанесенного голубой краской на белую эмалевую поверхность.

– Пуговица и вправду интересная, – согласился Крячко. – И долго она тут пролежала? – заглянул он за кровать.

– Судя по тому, что под кроватью полно пыли, а на пуговице ее практически нет, то недолго, – резюмировал Лев Иванович. – И еще. Смотри – на петельке пуговицы болтаются остатки голубых ниток, что говорит о том, что ее не просто потеряли, а она была оторвана прямо-таки с корнем.

Гуров достал из кармана салфетку, которую прихватил из кафе, и положил в нее пуговицу. Не то чтобы Лев Иванович заранее знал, что он найдет под кроватью пуговицу и ему понадобится салфетка, чтобы завернуть этот вещдок, а просто он привык к неожиданностям в своей профессии и, зная, что ему предстоит расследование, сунул салфетку себе в карман чисто с профессиональным автоматизмом.

– Ставим кровать обратно, – скомандовал он. – Старайся ставить точно на то же место, а то вдруг заметят, что мы тут мебель двигали. Тогда нужно будет отдавать пуговицу, а мне пока что этого не хочется делать, – пояснил он.

Станислав сразу понял логику друга, ведь не зря же они столько лет проработали вместе. Крячко знал Гурова как самого себя, а значит, ему не нужно было задавать напарнику лишних вопросов и уточнять, что он имел в виду. Ему и так было ясно, что пуговица, которая закатилась за кровать и пробыла там совсем немного времени, не успев запылиться, могла вполне принадлежать или тому, кого убили, или самому убийце. Хотя, конечно же, вероятность того, что пуговицу потерял предыдущий жилец номера, была высока, и этот вариант тоже нужно было проверять.

– Что ж, пойдём, – Лев Иванович быстро осмотрелся, размышляя, что он мог еще упустить во время обыска, но не нашел и спешно зашагал к выходу из номера, спрашивая на ходу у Станислава: – Ты ничего не обнаружил?

– Нет, ничего такого, за что можно зацепиться, – ответил тот.

Открыв резко дверь, они едва не сшибли одного из писателей, которые стояли близко и наверняка пытались подслушать или подсмотреть, что происходит в номере. Саму дверь они открывать не решались, боясь быть пойманными с поличным, а поэтому наверняка попытались подслушать хотя бы разговор сыщиков. Когда Гуров и Крячко входили в комнату, то в коридоре они видели только двух мужчин, теперь же рядом с дверью стояли уже не двое, а пять человек. Среди них была и одна женщина.

– А, Ирина Яковлевна! И вы тут! – широкой улыбкой людоеда улыбнулся Лев Иванович.

– Что-то нашли? – не обращая внимания ни на улыбку, ни на недовольство сыщиков, поинтересовалась Реус.

– Где нашли? – сделал удивленные глаза Крячко. – В номере? Но мы туда даже не заходили, – подмигнул он ей и всем остальным писателям заодно.

– Ах, ну да, конечно же, – тут же приняла их правила игры сообразительная Ирина Яковлевна. – К чему я это спросила, – пожала она плечами и, повернувшись к собратьям по перу, заявила, подняв руки: – Друзья, давайте не станем мешать. Разойдемся по номерам. Лев Иванович, – повернулась она к Гурову, – я остановилась в двести четвертом номере.

– А мы с Геннадием Северьяновичем ваши соседи по этажу! Мы из трехсотого! – торжественно объявил один из двух писателей, которые ранее прогуливались по коридору. Он взял своего соседа под руку, и они, демонстративно развернувшись, направились в сторону своего номера.

– А мы – соседи Кирьяновых из триста первого номера. Голубев, Калистратов, – представил себя и стоящего рядом с ним мужчину невысокого роста блондинистый пузатый человек в рубашке-гавайке. – Есть еще Ременев, но он пошел прогуляться. Очень впечатлительная натура, знаете ли. Нас сегодня уже опрашивали, – добавил он.

– Да, мы в курсе, – натянуто улыбнулся Лев Иванович. – Но нам бы тоже хотелось поговорить с вами.

– Всегда к вашим услугам, – с готовностью ответил блондинчик и обратился к своему русоволосому соседу: – Пойдемте, Антон Валерьевич, в номер. В нарды сыграем, музыку послушаем. Стучите громче, – выкрикнул он, скрываясь за дверью своего номера.

Глава 8

– Ты чего такой кислый? – Станислав толкнул Гурова в бок.

– А то ты сам не знаешь, – буркнул Лев Иванович и, покосившись в сторону лифта, добавил: – Пойдем-ка и мы в номер. Пить хочется.

– Пойдем, – согласился Крячко. – Что-то наши дамы притихли, не затевают ли они...

Не успел он закончить, как из триста четвертого номера, который занимали Гуровы, вышли Наталья и Мария. У жены Льва Ивановича в руках была сумочка и зонт от солнца.

– Ну, что нашли или узнали? – с надеждой посмотрела Мария на мужа.

– Пока что ничего, – развел Лев Иванович руками. – Куда это вы собрались? – быстро задал он встречный вопрос, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Хотя у Гурова никогда не было секретов от супруги, ему не хотелось рассказывать ни о найденной пуговице, ни о скандале Кирьянова с одним из писателей. Не хотелось, потому что Лев Иванович еще и сам не знал, имеют ли найденный под кроватью предмет и скандал отношение к убийству, а бежать впереди паровоза и рассказывать о том, о чем он и сам толком ничего не знал, было не в его привычках и правилах.

– Мы отправляемся прогуляться, – таинственно улыбнувшись, ответила за Марию Наталья, и обе женщины, больше ничего не объясняя, направились по коридору к выходу.

Гуров и Крячко посмотрели им вслед, а потом недоуменно переглянулись, но комментировать не стали – молча ушли в номер. Гуров достал из холодильника бутылку минералки и разлил ее по стаканам. Станислав сразу же в два глотка выпил свой стакан и снова потянулся за бутылкой.

– Высох весь, – пожаловался он другу. – При такой жаре нужно в номере под кондиционером сидеть или в море рыбку ловить.

Лев Иванович молча согласился с другом, но вслух высказываться не стал: не хотелось ему лишний раз бередить этот больной для него вопрос – о рыбалке пока что приходилось только мечтать. Он коротко рассказал Станиславу о скандале, слышанном вчера вечером Мирой, и спросил:

– Что ты по этому поводу думаешь?

Конечно же, задал такой вопрос Лев Иванович больше для поддержания разговора, чем чтобы действительно узнать мнение напарника. Это мнение он и так знал. Ведь за столько лет они стали мыслить настолько одинаково, что порой понимали друг друга без всяких слов.

– Сомневаюсь я, что Кирьянова убил этот скандалист. – Крячко сел в кресло поближе к кондиционеру. – Ну, повздорили, и что? Не думаю, что это в первый раз. Тем более что и сама Ольга рассказывала, что у этого... как его... Слепакова были постоянные скандалы с ее мужем.

– Так-то оно так, и я с тобой согласен, – ответил Лев Иванович, усаживаясь рядом с Крячко. – Но тут есть один нюанс – деньги.

– Деньги? – не понял Станислав.

– Да, премиальные деньги за произведение, – кивнул Гуров. – Я, правда, не знаю, какая сумма положена победителю, зато помню, что Маша еще дня два назад как-то после разговора с Ольгой сказала, что спонсоры конкурса – известное издательство – кроме выпуска книги с рассказами победившего автора, выплачивают ему немаленькую сумму. Сумма дается не просто так, а как бы авансом за будущие произведения, на которые у издательства с писателем будет заключен контракт. Вот я и подумал...

В дверь постучали.

– Входи, Андрей! – хором ответили Гуров и Крячко и, переглянувшись, улынулись друг другу.

Молодой оперативник вошел в номер не один, а с некой дамой лет шестидесяти, невысокой и полненькой, даже кругленькой.

– Вот, – показывая на женщину и пропуская ее вперед, гордо объявил Лемешев. – Это Марьяна Степановна Скорикова.

– Очень приятно, – ответил Лев Иванович, вставая и уступая даме место. При этом он вопросительно посмотрел на Андрея.

– Я познакомился с Марьяной Степановной в кафе, и она любезно рассказала мне много интересного о покойном Кирьянове. А вернее, о его взаимоотношениях с коллегами, а в частности...

– Андрей, давайте я сама все расскажу, – перебила его с улыбкой, но довольно твердо, Скорикова.

– Да-да, конечно же, – с готовностью согласился молодой оперативник и многообещающе посмотрел на Гурова и Крячко. Так обычно смотрят, если знают нечто интересное и значимое.

– В отличие от своих коллег по перу, – приподняв тонко выщипанную бровку, заговорила кругленькая Марьяна Степановна, – я не стану рассказывать вам разные сплетни, а расскажу только то, что знаю точно. Ведь для следствия важна точность и правдивые свидетельства? – спросила она у сыщиков, но тут же ответила сама: – Впрочем, я, как писательница детективных романов, отлично знаю вашу кухню.

«Она сказала „кухню“? Неужели она и вправду думает, что для того, чтобы ловить убийц, воров и жуликов, нужен какой-то особый рецепт или есть какая-то особая пошаговая программа?» Эта мысль пришла в голову Льву Ивановичу и на время отвлекла его от дальнейших рассуждений самоуверенной писательницы. Он постарался сосредоточиться на ее рассказе.

– Не буду вдаваться в подробности взаимоотношений внутри нашего Союза писателей, отмечу только факт, что все не так мило и гладко, как это кажется, может быть, со стороны. Страсти кипят! Да еще какие!

Марьяна Степановна замолчала, посмотрела на стакан Гурова с недопитой в нем водой и попросила и ей налить водички, что Лев Иванович и сделал.

– Итак – к делу, – отпив пару глотков и поставив стакан на журнальный столик, продолжила Скорикова. – Я хочу обратить ваше внимание, а вернее, внимание следствия, на одного из наших писателей, а вернее, даже на трех. Не знаю, в курсе ли вы, что наш конкурс подразумевает награждение победителей?

Женщина вопросительно посмотрела на всех троих оперативников. Крячко и Гуров кивнули, и она, удовлетворенная их ответом, продолжила:

– Так вот, денежный приз, который должен получить победитель, а это пятьсот тысяч рублей – сумма немаленькая. Особенно для периферийных писателей – таких, как я и некоторые другие члены Союза. Кроме того, занявшие второе и третье место также получают вознаграждение в размере двести и сто пятьдесят тысяч рублей соответственно. Я к чему все это объясняю так подробно? Деньги немалые, а получают их, между нами говоря, каждый год практически одни и те же люди.

– А кто принимает решение о награждении? – поинтересовался Крячко.

– В том-то и дело! – чуть ли не выпрыгнула из кресла Марьяна Степановна. – Кто получит премию, решает конкурсная комиссия во главе с покойным, – женщина неожиданно для сыщиков вдруг быстро перекрестилась, – Евгением Петровичем. Причем веское и последнее слово, так сказать, точка в решении принадлежит именно председателю. Нет, я ничего не хочу сказать против Кирьянова, как постоянного председателя комиссии, – снова перекрестилась Скорикова. – Но сами ведь понимаете, что не может быть так, чтобы каждый год побеждали только одни и те же...

– Почему не может? – не понял Лев Иванович. – Если писатель пишет лучше остальных, если его книги покупают и читают, если его произведения хвалят критики, то почему бы и нет?

Марьяна Степановна посмотрела на Льва Ивановича с таким подозрением, словно он знал, кто преступник, и специально скрывал это.

– Вы не понимаете всей специфики писательства, – только и вздохнула она. Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, она с видом оскорбленной невинности продолжила: – Когда дело касается больших денег, талант не учитывается. Учитываются личная приязнь, дружба и кумовство. Так вот, в нашем Союзе писателей, и в частности среди тех, кто пишет детективы, есть люди талантливейшие, но которых из года в год просто не замечают...

Женщина взяла стакан, отпила глоток и как бы между прочим пояснила:

– Я не имею в виду себя, есть и другие, не менее достойные денежной премии писатели. Но есть и такие... – Она снова многозначительно посмотрела на сыщиков. – Знаете, наверное, нет больших завистников, чем те, кто завидует черной завистью тем, кто получает и славу, и деньги. Не важно, как получает, – достойно или нет. Но амбиции... Сами понимаете.

– Марьяна Степановна, а нельзя ли поконкретней? – не вытерпел ее разглагольствований Лев Иванович.

– Можно, – с достоинством кивнула Скорикова. – Если говорить конкретно, то есть у нас такая очень скандальная, но не очень талантливая, к слову сказать, троица, которая вечно всем недовольна. И ладно бы они тихо недовольствовались... – Писательница, увидев, как Гуров поморщился, быстро проговорила: – Слепаков Артур Павлович, Корсун Инга Лаврентьевна и Малляр Игорь Филиппович – вот наши интриганы, которые ничего бы не пожалели, чтобы сместить нашего уважаемого всеми Евгения Петровича с поста председателя комиссии! – с пафосом закончила она.

– И?.. – Крячко посмотрел на Скорикову, приглашая продолжить.

– Эта троица весьма заинтересована в том, чтобы председателем стал Слепаков, а деньги за первое и второе места получали бы каждый год Корсун и Малляр. Слепаков давно уже интригует против Евгения Петровича и обвиняет его в предвзятости и взяточничестве. Мол, Кирьянов берет деньги за то, чтобы печатались и получали премии каждый год одни и те же писатели.

– И что, разве за это можно убить? – невинным голосом спросил Гуров.

– Хм... – Писательница выпрямилась в кресле настолько, насколько ей позволяла ее круглая комплекция. – А как вы думаете? У нас на Руси убивали и за меньшее. Или вы не согласны?

– Было дело, – согласно кивнул Крячко. – Так вы, Марьяна Степановна, думаете, что эта троица могла договориться и убрать Кирьянова, чтобы осуществить свой план?

Скорикова с некоторым подозрением посмотрела на Станислава, опасаясь подвоха или насмешки с его стороны, но, увидев его серьезное лицо, успокоилась и ответила:

– Ну, прямо я не утверждаю, но такая возможность вполне имеется. Вот если бы я была на вашем месте, то я бы такой вариант развития событий рассматривала в первую очередь.

«Как хорошо, что эта дама не на нашем месте», – с раздражением подумал Лев Иванович. Ему все больше и больше не нравилось, что писатели мало того что путаются под их с Крячко ногами, а еще и советы раздают, как им вести следствие. Но вдруг ему в голову пришла интересная мысль, и вместо того чтобы осадить Скорикову, он наклонился к ней и сказал, чуть понизив голос:

– Значит, вы полагаете, что убить вашего председателя могли в целях устранения его из комиссии? Что ж, вполне себе вероятная версия. Мы обязательно ее рассмотрим. Тем более что вот буквально перед самым вашим приходом я уже рассуждал на эту тему со своим коллегой.

Лев Иванович многозначительно посмотрел на Крячко и тот, хотя еще не разгадал намерений своего друга, поспешил поддакнуть ему:

– Да, Лев Иванович рассказал мне, что одна из свидетельниц слышала вчера вечером, как этот ваш Слепаков громко угрожал Евгению Петровичу.

– Вот видите! – торжествующе воскликнула Марьяна Степановна. – Я ведь как знала, как чувствовала, что этот Слепаков готов пойти даже на убийство, только бы его драгоценная Инга Лаврентьевна получила премию и грант на издание своих романов и рассказов! – Скорикова на секунду замолчала, а потом с некоторой обидой в голосе добавила: – Только он никакой не мой Слепаков. Его вообще многие терпеть не могут. Поговаривают даже, что он в юности отбывал срок за какое-то преступление.

– Да? И это правда или только слухи? – зацепился за информацию Андрей Лемешев.

– А вот это вы с Ильей Ильичом и будете выяснять, – деловым тоном ответил молодому оперативнику Лев Иванович. – Берите, Андрей, лично на себя разработку этой версии. Тем более что у нас пока других вариантов нет.

– Как нет? – удивился Лемешев. – А его жена?

Он хотел продолжить, но Гуров жестом руки осадил его, указав взглядом на Скорикову, которая при упоминании Ольги Кирьяновой напряглась, и глаза ее заблестели в предвкушении узнать никому еще не известные сведения.

– Что ж, Марьяна Степановна, спасибо вам огромное. – Гуров галантно протянул руку пожилой писательнице, давая понять, что разговор окончен, и та нехотя поднялась. – Проводите даму, – посмотрел на молодого оперативника Лев Иванович, – и возвращайтесь. У нас есть для вас задание.

Лемешев, вдохновленный и обещанием Гурова, и тем, что именно он привел к сыщикам столь информированный источник, с достоинством последовал за Скориковой на выход.

– Ты специально слил версию? – быстро шепнул Гурову Крячко, когда оперативник отошел на достаточное расстояние, чтобы не слышать их.

– Пусть поищут и в этом направлении, – так же тихо ответил другу Лев Иванович. – В любом случае нам выгодно, чтобы все поскорее закончилось.

Вернулся Лемешев, и Гуров спросил его:

– Как вы, Андрей, думаете, стоит ли проверять эту версию или?..

– Конечно же, стоит, – со значительным видом кивнул Лемешев. – Тем более что на пистолете, который нашли в сумочке у Кирьяновой, специалисты не обнаружили вообще никаких отпечатков пальцев.

– Вот даже как! Быстро сработали ваши эксперты, – не удержался от похвалы Лев Иванович.

Гуров и Крячко переглянулись, и Станислав спросил Лемешева:

– И когда вы об этом узнали?

– Буквально перед тем, как мы с Марьяной Степановной пришли к вам. В коридоре у меня зазвонил телефон, и Илья Ильич сообщил, что Кирьянову отпускают, вернее, помещают под наблюдение. Ну то есть она будет пока находиться в отеле. А когда я спросил, почему было принято такое решение, он и сказал, что пальчиков на пистолете обнаружено не было. Да и на руках у нее следов пороха и других явных признаков, что она стреляла в мужа, тоже не было обнаружено, – ответил Андрей.

– Что ж, отсутствие следов на пистолете и руках не значит, что она не виновна, – согласился Лев Иванович. – Вполне возможно, что она все следы успела устранить, что довольно легко делается. Например, стреляла в перчатках, от которых потом избавилась. Или кого-то наняла, а себе создала алиби.

– Алиби? – насторожился Андрей.

Гуров совсем забыл, что местные оперативники не в курсе, что Кирьяновой в номере на момент убийства не было, и чуть не проговорился.

– Я имел в виду, – быстро поправился Лев Иванович, – что в момент убийства она была в ванной и ничего не слышала.

– Это очень странное и необидительное алиби, – нахмурился Лемешев, – если учитывать, что слышимость в номерах весьма существенная. Соседи из коридора слышали скандал супругов накануне вечером, – напомнил он Крячко и Гурову, которые после его слов снова переглянулись.

Правда, их переглядывания Лемешев не понял, но не станет ведь Лев Иванович ему объяснять, что переглянулись они с Крячко несколько по другому поводу, а не из-за того, что забыли о плохой звукоизоляции в отеле.

– Ну, хорошо. Кстати, Андрей, вы не знаете, камеры видеонаблюдения уже были просмотрены?

– Пока что нет, – неуверенно ответил Лемешев и, почесав у себя за ухом, добавил: – Во всяком случае, Илья Ильич ничего не говорил мне по этому поводу.

– Ну не говорил и не говорил... Так что же мы все-таки решили?

Лев Иванович решил свернуть эту не очень удобную тему с алиби Ольги Кирьяновой, опасаясь, что Андрей начнет подозревать их в укрывательстве неких фактов, что и на самом деле имело место. Не то чтобы Гуров хотел скрыть от официального расследования, что Ольги на момент убийства не было в номере, просто он и сам в некотором роде сомневался в том, что она в тот момент находилась на крыше. Доказательств в пользу этого, как и доказательств обратного, у него не было. А раз так, то к чему вообще заводить об этом речь?

– Я так понял, что ты поручил Андрею побеседовать со Слепаковым и выяснить, где тот находился сегодня утром в промежуток между половиной пятого и двадцатью минутами шестого, – подсказал Станислав.

– Да, именно так. – Лев Иванович посмотрел на Лемешева.

Тот просиял и с готовностью ответил:

– Будет сделано.

– Вот и отлично, тогда прямо сейчас и приступайте.

Лев Иванович с улыбкой похлопал Андрея по плечу. Оперативник, развернувшись, быстро вышел из номера.

– Пока они, я имею в виду местных, занимаются версией со Слепаковым, мы с тобой пойдем и побеседуем с соседями Кирьяновых по поводу его отношений с женой, – предложил Лев Иванович Станиславу, и тот согласился.

Как-то так повелось, что во всех их совместных расследованиях первую скрипку всегда играл Лев Иванович. И не потому, что он был умнее или деятельней Станислава, деятельность и активность как раз были больше присущи Крячко, а скорее потому, что у Гурова была больше развита чувствительность. Он имел необыкновенную интуицию, или, как принято говорить у сыщиков, – нюх, который помогал ему практически сразу угадывать в каком направлении им следует вести расследование. И всякий раз это направление оказывалось правильным.

Вот и на этот раз Лев Иванович откуда-то знал, интуитивно чувствовал, что искать убийцу нужно не среди писателей, а где-то в более близком к Кирьянову окружении. А для этого ему нужно было узнать, каковы были отношения в семье, были ли в семействе у Кирьяновых какие-то тайны. А может, просто это далекое прошлое догнало Евгения Петровича и отомстило ему за ошибки молодости? По своему огромному опыту работы Гуров знал, что и такое может быть. Все могло быть...

«Как там сказала Марьяна Степановна? На Руси могли убить и за меньшее, – вспомнил он слова Скориковой. – За меньшее убивали не только на Руси. Человеку вообще присуще не ценить чужую жизнь, – думал он. – Впрочем, как и свою тоже».

Глава 9

Для опроса писателей Гуров и Крячко решили разделиться. Станислав направился в трехсотый номер, а Лев Иванович должен был переговорить с троицей из триста первого. Когда он подошел к двери, то услышал из номера звуки классической музыки. Он немного постоял, послушал, наслаждаясь, и предположил, что звучало одно из произведений Баха. Хотя Гуров и не был большим меломаном, но все-таки немного разобрался в классических произведениях и мог отличить орган от других музыкальных инструментов.

Он постучал, как и просил его толстячок Голубев – погромче. Музыка тотчас же, словно только и ждали этого сигнала, сделали тише, а потом, как показалось Гурову, и вовсе выключили. Еще через секунду дверь открылась.

– Входите, уважаемый сосед! – улыбался радушной улыбкой Голубев.

Он впустил Гурова и, что не ускользнуло от глаз полковника, выглянул в коридор, быстро осмотрелся по сторонам и только потом затворил за собой дверь.

Трехсотый номер в отеле был на троих и состоял всего из одной, но довольно просторной, комнаты. За низеньким столиком сидел сосед Голубева – Калистратов. Перед ним стояла доска с партией в нарды, а справа лежал планшет, из которого чуть слышно лилась приглушенная музыка.

– Никогда не пробовал играть в нарды, – улыбнулся Лев Иванович.

– О, это весьма занимательная, интеллектуальная игра, – заулыбался в ответ Калистратов. – Ничуть не уступает шахматам. Просто удивительно, что она столь малопопулярна в России. Хотя чемпионаты страны и мира по ней проводятся ежегодно, они не так привлекают внимание прессы, как турниры по шахматам. А жаль, жаль...

– Садитесь, – Голубев рукой указал на кресло напротив Калистратова, в котором недавно сидел он сам.

– А как же вы? – огляделся Лев Иванович в поисках стула.

– А я тут, на кровати, присяду.

Голубев сел на ближайшую кровать и, сложив ладони лодочкой, посмотрел на Гурова, ожидая вопросов.

– Как я понял из ваших показаний, которые вы давали утром местным оперативникам, вчера вечером вы все были свидетелями скандала супругов Кирьяновых, – не заставил себя ждать Лев Иванович.

– Ну-у, я бы не сказал, что это был скандал, – протянул Калистратов и вопросительно посмотрел на Голубева.

Тот, соглашаясь со словами коллеги, кивнул и добавил:

– Да, скорее это была ссора. Знаете, когда один из оппонентов настаивает на чем-то, а другой не соглашается с ним. И в какой-то момент это несогласие перерастает в раздражительность и эмоциональность...

«Неужели все писатели такие многословные и выражаются в обыденной жизни так витиевато? Этак я буду допрашивать их целый день, чтобы узнать хоть что-то путное», – с тоской подумал Лев Иванович, но виду не подал.

– А суть спора вы уловили? О чем был разговор?

– Это был не совсем спор... – начал было Калистратов, но Голубев его перебил.

– Это был не спор, – поддакнул он. – Мы, правда, не очень вслушивались, торопились, понимаете ли, чтобы не опоздать к началу сеанса. Мы еще вчера взяли билеты на премьеру...

– Хорошо, не спор, – теперь уже пришлось перебить Гурову. – Но суть разговора вы поняли?

Конечно же, Лев Иванович понимал, что это не очень вежливо – перебивать человека, но и слушать подробный рассказ, на какой фильм собирались свидетели и почему именно на него, ему не хотелось. Вот будь они подозреваемыми, и требовалось бы уточнить их алиби, тогда другое дело – можно и выслушать.

– Ольга Михайловна настаивала, чтобы Евгений Петрович не отдавал первое место Вере Николаевне Дробышевой, а выбрал бы в этом году кого-нибудь другого, – ответил Калистратов, быстро взглянув на Голубева. Но тот на этот раз промолчал и только кивнул.

– Ага, значит, разговор был на тему премирования за рассказ. Правильно?

– Да, – коротко ответил Голубев, а Калистратов, словно поменявшись с соседом по номеру ролями, просто кивнул.

– Мне сказали, что среди членов комиссии были еще и другие несогласные с решением председателя... – закинул удочку Лев Иванович.

И тут обоих писателей словно прорвало. Они наперебой стали рассказывать Гурову обо всех интригах и заговорах, которые, по их мнению, плелись против уважаемого Евгения Петровича. По их словам выходило, что главным оппонентом Кирьянова в Союзе писателей, а именно среди тех, кто пишет в детективном жанре, был Артур Слепаков. И хотя, по признанию обоих, это был довольно талантливый автор, но до Кирьянова, с его известностью в определенных кругах, ему было далеко.

– Интересно, интересно. – Лев Иванович решил остановить писательский словопоток и поинтересовался: – Не подскажете, с какого произведения началась известность Кирьянова? Я не большой любитель жанра, знаете ли. Мне и на службе детективных страстей хватает.

– Первый роман Евгения Петровича вышел около тринадцати лет назад, – с восторгом ответил Голубев. – Замечательный роман! Называется «Тревога». Там рассказывается...

– Простите, что перебиваю. – Гуров улыбнулся своей самой наивежливейшей улыбкой. – Я обязательно прочитаю этот роман, как только закончится следствие, – пообещал он. – Поэтому не стоит его пересказывать, а то будет неинтересно.

– Хорошо-хорошо, – замахал ручками Голубев. – Но рекомендую! Не пожалеете, – таинственным голосом добавил он. – Роман был номинирован и признан лучшим детективом последних пяти лет.

– Вот даже как, – удивился Гуров, и ему вдруг и вправду захотелось узнать, насколько эта рецензия соответствует истине. – А о семейной жизни своего председателя, о его отношениях с женой, вы что-то знаете?

– Нет, подробностей мы не знаем, – нехотя признался Голубев.

– Ольгу Михайловну мы встречаем только на таких вот мероприятиях, – обвел рукой комнату Калистратов. – Я имел в виду на конкурсах, встречах писателей с читателями и на других светских раутах, – пояснил он.

«Надо же, как он пафосно выразился – светских раутах. Этаким писательский бомонд», – усмехнулся про себя Гуров, а вслух спросил:

– А у Евгения Петровича, вернее, у четы Кирьяновых, были среди писателей близкие друзья?

– Да, конечно же, были, – кивнул Голубев.

– Наверняка были, – согласился с ним Калистратов. – Но мы их не знаем. Мы сами, видите ли, не из Москвы, а из Питера. Поэтому... – развел он руками.

– Значит, вы не в курсе и личной биографии Кирьянова или его жены? – уточнил Гуров.

– Все, что мы знаем о Евгении Петровиче, есть в интернете. Мы как-то больше в курсе тех интриг, которые плетутся, вернее, плелись вокруг Евгения Петровича в Союзе, – поджал полные губы Голубев.

Гуров понял, что писателю явно хотелось поговорить с ним о внутренних склоках и сплетнях, которые варил котел Союза, но это удовольствие Лев Иванович решил оставить для Пятакова и его помощника Лемешева.

– Вот и хорошо. – Лев Иванович встал. – По этому поводу к вам обязательно заглянет оперативник, ведущий следствие, и вы все ему расскажете. Договорились?

– Да, – нехотя выдал из себя Голубев, а Калистратов и вовсе промолчал.

– Скажите, а сегодня утром никто из вас не слышал хлопка или чего-то еще, похожего на выстрел? – Лев Иванович остановился у двери.

– Нет, ничего мы не слышали, – переглянулись писатели, и Голубев, ехидно посмотрев на Льва Ивановича, спросил:

– А вы с супругой тоже ничего не слышали?

– Нет, но мы-то находимся не за стенкой, а через коридор.

В ответ Голубев только поджал полные губы, а Калистратов и вовсе сделал вид, что обдумывает свой ход в игре, уставившись на доску, из чего Гуров сделал вывод, что они на него обиделись.

«Вот и пусть обижаются. Меньше под ногами будут путаться», – довольно подумал полковник и, заложив руки за спину, стал прохаживаться по коридору в ожидании, когда Крячко закончит опрашивать писателей из трехсотого номера.

* * *

Но долго быть в одиночестве ему не пришлось. Словно черт из табакерки, перед ним появилась Ирина Яковлевна Реус и с улыбкой хищного хорька (Гурову вдруг на какой-то момент почудилось, что она и впрямь сильно похожа на этого хитрого зверька) спросила:

– Как успехи в расследовании? Вы, я смотрю, уже опросили Голубева и его подпевал.

– Что значит – подпевал? – удивленный ее высказыванием, приподнял брови Лев Иванович.

– Да это я так, – махнула рукой Реус, – просто вырвалось. Все в Союзе знают, что Голубев сколотил вокруг себя в Питере целую коалицию, как он сам выражается. Писателишки мелкого масштаба, сплошь подражатели и графоманы, собрались в один клуб, чтобы выглядеть значительней и весомей.

– Ирина Яковлевна, а вы сами из Москвы будете? – поинтересовался Гуров. – Андрей Георгиевич Реус вам не родственник?

– Да, я коренная москвичка, – гордо выпрямилась Реус, отчего стала еще худее и выше. – Больше того, мои корни ведут в Испанию. Предки, по словам моего деда, приехали в Россию в тысяча восемьсот пятом году именно из города с таким названием. Знаете, тот, который находится в Каталонии. Отсюда и фамилия. Кстати, если вы не знали, Реус – родной город знаменитого архитектора Гауди. И нет, – Ирина Яковлевна поморщилась, – мы не родственники с Андреем Георгиевичем.

Гуров сдержанно, но вежливо улыбнулся даме.

– Вы случайно не дружны с семейством Кирьяновых? – задал он следующий интересующий его вопрос.

– Пойдем-те куда-нибудь из коридора и поговорим тет-а-тет. А то тут слишком много лишних ушей, – кивнула она на высунувшего из дверей нос Голубева.

Реус с заговорщицким видом взяла Льва Ивановича под руку, и они направились в сторону номера Гурова.

– Куда это вы направились?

Их догнал Крячко, и Лев Иванович поблагодарил провидение, которое послало его столь вовремя. Ему не очень хотелось разговаривать с сей хищницей в облике писательницы наедине.

– Присоединяйтесь к нам, простите, не помню имя-отчество. – Глаза Реус заблестели, словно в предвкушении какого-то приключения.

– Станислав Васильевич, – галантно склонил голову Крячко.

Лев Иванович заметил в глазах друга насмешливую искорку, хотя лицо Станислава оставалось серьезным.

В номере, когда все расселись, Реус наконец-то ответила на вопрос Гурова, который он задал ей еще в коридоре:

– Я бывала в гостях у Кирьяновых. Не сказать, чтобы я была их близким другом, скорее хорошей знакомой, – мы отлично ладили с Евгением Петровичем. Ольга очень милая женщина, умница и преданная супруга...

– Кстати о преданности, – перебил ее Лев Иванович. – Вы не знаете, никто из Кирьяновых не вступал в адюльтер?

– Вы хотите сказать, не ходил ли налево и не имел ли любовников? – Глаза у Реус снова странно заблестели.

– Да, именно это я и имел в виду, – согласился Гуров.

– Вот этого я не знаю, – немного разочарованно ответила Ирина Яковлевна. – Кирьяновы жили несколько замкнуто. И хотя в доме у них бывали и друзья, и знакомые, но свои семейные тайны они скрывали от всех очень тщательно. Вы знаете, у них ведь и детей нет, – добавила она так, словно отсутствие детей в семье является какой-то особенно пикантной подробностью.

– Ну, отсутствие детей еще не говорит, что в семье не все благополучно. Они ведь давно уже женаты? – уточнил Лев Иванович.

– Нет, – покачала головой Реус, немного подумав. – Не так чтобы уж давно. Всего каких-то тринадцать с хвостиком лет.

– Вот как? – заинтересовался Станислав Крячко. – А до того, как они поженились, они были в браке? Насколько нам известно, Евгению Петровичу было за пятьдесят пять, а Ольге Михайловне – пятьдесят.

– Да, Олечке именно пятьдесят, – подтвердила Реус. – Но согласитесь, выглядит она просто великолепно для своего возраста. Я всегда ей завидовала в плане внешности, – вздохнула Ирина Яковлевна. – Насчет Ольги я не скажу – не знаю, был ли у нее брак еще с кем-то. А вот Евгений Петрович никогда не был женат – это точно. Он сам всегда охотно рассказывал всем свою биографию, много шутил по поводу своего долгого холостяковства. Говорил, что до Оли у него было сложное отношение к женщинам.

Реус помолчала немного, словно вспоминая что-то, нахмурилась, а потом продолжила:

– Женя, Евгений Петрович, всегда был очень ранимым. Но при этом всегда знал себе цену.

– Вы так говорите, словно знали его очень давно, – внимательно посмотрел на нее Лев Иванович.

– А я разве не сказала, что мы с ним учились на одном факультете журналистики? Только он поступил на год раньше меня. Что, впрочем, не мешало нам общаться. У нас долгое время были общие друзья. Знаете, одна такая веселая студенческая компания. А потом жизнь на какое-то время нас развела. Встретились мы с ним снова, только когда вышел его первый роман. Кирьянов был по жизни философом, таким и остался, – улыбнулась Реус воспоминаниям. – С одной стороны, это был очень компанейский человек, а с другой – капризный и амбициозный. Впрочем, для журналиста и писателя это необходимое качество, – со значительным видом уточнила Ирина Яковлевна.

– И в чем заключались его капризы? – поинтересовался Станислав.

– Евгений не любил, когда ему перечат, терпеть не мог тех, кто не был с ним согласен по какому-либо поводу, – со вздохом ответила писательница. – Он был вспыльчивым и в молодости. Правда, с появлением в его жизни Ольги, как я это заметила, он стал спокойней и урав-

новешенной. Но все равно не любил, когда на него давили и заставляли делать то, чего он не хочет.

– Например, давать премию кому-то, кто ему не нравился, – подсказал Лев Иванович.

– И это в том числе, – спокойно ответила Ирина Яковлевна и добавила: – Поэтому-то его и не любили в Союзе, хотя и ценили за его талант.

– Кстати о таланте, – заинтересованно наклонился ближе к писательнице Лев Иванович. – По словам Голубева, первая книга Кириянова вышла тринадцать лет назад. Не поздно ли для писательской карьеры? На момент выхода книги ему было... сорок три?

– Да, именно так – сорок три года, – согласилась Реус. – Но, если вы думаете, что сорок три года для писателя – это слишком поздно, я вам отвечу. В истории литературы есть ярчайшие примеры того, что стать знаменитым не поздно ни в каком возрасте. Например, Брем Стокер опубликовал свой первый роман о графе Дракуле, когда ему было пятьдесят, а первую книгу Толкина о Хоббите напечатали, когда автору уже было сорок пять лет. Опять же...

– Хорошо-хорошо, я уже понял, – с улыбкой произнес Лев Иванович, останавливая Реус. – А после первой книги – сколько еще замечательных книг вышло из-под пера вашего мэтра?

– Еще две, – заерзала в кресле Ирина Яковлевна. – Но они не были столь великолепны, как первый роман, – нехотя добавила она. – По мнению критиков, так и вовсе были посредственными, хотя и хорошо написанными в смысле построения сюжета.

– А что в них не понравилось критикам? – заинтересовался Крячко.

– Сами сюжеты произведений посчитали слишком банальными и избитыми. Не оригинальными. В отличие от первого романа. Но как по мне, – поспешила добавить Реус, – так обе книги совсем даже неплохо написаны, а в некоторых местах – даже захватывающе.

– Так значит, вы не знаете, кто был близко вхож в дом Кирияновых? – перевел разговор в другое русло Лев Иванович.

– Как же не знаю? Знаю. – На лице Реус снова появилась хищная улыбка. – И даже скажу вам их имена и адреса. Они, правда, не входят в писательский круг, или в круг критиков, издателей и прочих лиц, приближенных к литературе, но зато давно знают Ольгу Михайловну и могут многое рассказать о ее прошлом.

Гуров сразу раскусил эту ушлую даму и понял, что с нее слова не вытянешь, если не пообещаешь ей что-то взамен. Он, конечно, мог махнуть на ее выкрутасы рукой и по своим источникам узнать, с кем плотно общались Ольга и Евгений Петрович Кирияновы, но на все нужно было время, а ему хотелось поскорее закончить это неожиданно свалившееся на его голову дело.

Лев Иванович любил свою работу и отдавался ей полностью. Больше того – он никогда не отказывался помогать кому-то и брался за дела, которые не требовали вмешательства Главного управления, где он работал, и вполне могли бы быть раскрыты и без него. Его безотказностью часто пользовались, но он не обижался. Гуров просто хотел, чтобы людям вокруг него дышалось спокойно, и они не теряли доверие к таким как он – обычным операм, которые и должны были, по долгу службы, охранять их покой.

В голову Льву Ивановичу вдруг пришла интересная мысль, и он поспешил высказать ее Ирине Яковлевне.

– Давайте сделаем так. Вы и ваши коллеги помогаете мне и Станиславу Васильевичу сведениями о Кирияновых, не мешаете нам спокойно расследовать это убийство, то есть не путаетесь под ногами. – Гуров многозначительно посмотрел на Реус. – А мы, в свою очередь, обещаем, что после окончания расследования и поимки виновного или, если правильно говорить, – подозреваемого, соберем что-то вроде пресс-конференции для всех желающих узнать результат и подробности нашего следствия.

– Конгениально! – воскликнула Ирина Яковлевна. – Правда, я не знаю, кто бы из присутствующих в отеле писателей мог вам что-то путное сообщить. Москвичей, которые могли бы хорошо знать Кирьяновых, приехало только пятеро. Я и еще четверо. Да вы их видели, когда мы подходили к вам с Переделкиным.

– Это те самые, которые сидели с вами за одним столиком в кафе? – уточнил Станислав.

– Да, они. Но, кроме меня и Ванечкина, среди них вхожих в дом к Евгению Петровичу никого нет. Да и то – Ванечкин больше ходил в гости, чтобы вкусно поесть да выклянчить для себя в очередной раз прерогативы. Он неплохой писатель, но очень уж занудно пишет. А детектив – это жанр...

– Да, я понял, – невежливо перебил ее Лев Иванович. – Так вы дадите нам контакты близких друзей Ольги Михайловны и Евгения Петровича?

– Дам, – благосклонно кивнула Реус. – Записная книжка у меня в номере. – Она встала. – Я сейчас ее принесу.

– Будем благодарны, – серьезным тоном ответил Гуров и проводил Ирину Яковлевну до дверей.

Едва за ней закрылась дверь, Лев Иванович сказал Станиславу:

– Теперь она всем расскажет о нашем условии, и я очень надеюсь, что под ногами у нас никто больше путаться не станет. Что тебе удалось узнать? – безо всякой надежды на положительный результат спросил он.

Крячко махнул рукой и рассмеялся.

– Они меня так заговорили, эти детективщики, что я только и думал, как от них избавиться. Ничего путного. Сами они приехали из Коломны и говорили только о том, каким замечательным был Евгений Петрович и как его доставал этот вредный Слепаков. Может, мы все-таки зря не рассматриваем эту версию? Кто знает, иногда и опереточные злодеи становятся кошмаром наяву.

– Может, и зря, – задумчиво согласился Гуров, но потом сам же себя и опроверг: – И все-таки – нет. Слишком уж убийство было хладнокровно и дерзко проделано. Явно заранее спланировано. Раннее утро, все еще спят... Да и зачем Слепакову было так подставлять себя после ссоры, которую могли слышать посторонние? Тогда он должен был заранее знать, что Ольги в номере нет. И не ему ли знать, какая слышимость в отеле – приходиться в номер и стрелять, зная, что могут услышать выстрел. – Гуров пожал плечами. – И ведь что интересно, никто из соседнего номера выстрела отчего-то не слышал. Наверняка был использован глушитель. Плохо жить в конце коридора, когда соседи только с одной стороны, – вздохнул Лев Иванович.

– Ты не прав, – не согласился с ним Станислав. – Плохо жить в середине коридора и иметь соседей с двух сторон. Да еще если эти соседи – писатели. Мы с Натальей в этом убедились на собственном опыте. До половины ночи нам с одной стороны за стенкой читали отрывки из своих произведений. Надо сказать, малоперевариваемых. А с другой стороны наши соседи играли в карты, в «балду». Причем задания проигравшему давались самые дикие и совсем не тихие, – покачал он головой, вспоминая прошедшую ночь.

– Ничто человеческое... – только и успел сказать Лев Иванович, как в номер вплыла Реус.

– Вот, – с многозначительным видом положила она на стол тетрадный листок. – Я выписала все имена и телефоны.

Лев Иванович внимательно просмотрел коротенький список.

– Всего трое? – удивился он.

– Да. Я ведь говорила, что Кирьяновы вели замкнутый образ жизни. Имеется в виду, что работу они четко отделяли от семьи. Но на все писательские тусовки они всегда ходили вместе.

– Кстати, Ирина Яковлевна, – обратился к ней Крячко. – Вы не подскажете, кем работает Ольга Михайловна? Ведь не на писательский же гонорар жили Кирьяновы.

– Нет, конечно. Нынче на одном писательстве с голоду помереть можно, – усмехнулась Реус. – Евгений Петрович писал статьи в «Литературную газету» и в другие издания. Его охотно печатали. А Оленька... У Ольги Михайловны – свое издательство. Она неплохо зарабатывает, печатая ту лабуду, которую ей предлагают нынешние, так называемые молодые, авторы. У нас ведь сегодня ничего бесплатного нет, сами понимаете – рынок.

Реус ушла, пообещав, что постарается сделать так, чтобы никто больше не мешал Гурову и Крячко.

Глава 10

Обсудить полковникам дальнейшие действия не дали супруги. Мария позвонила Гурову и сообщила, что они заказали для них столик в том самом кафе, где они ужинали с Кирьяновыми в первый вечер.

– Расследование расследованием, а обед по расписанию, – прокомментировал Станислав. – Мы на отдыхе или как?

– Мне кажется, что «или как», – с сарказмом ответил Лев Иванович.

В коридоре им встретился бодрый Андрей Лемешев.

– Мы поехали обедать, – сообщил молодому оперативнику Гуров.

– Ладно, – сник Лемешев. – Я просто хотел вам сказать, что Ольгу Кирьянову уже привезли в гостиницу и разместили на втором этаже в сто втором номере. И еще – я доложил Илье Ильичу о ссоре Кирьянова со Слепаковым. Он заинтересовался и велел мне найти этого Артура Павловича и привезти его в управление.

– Вот это правильно! Действуйте, Андрей. Кстати, – Лев Иванович покусал нижнюю губу, словно в раздумье, – мы с вами не обменивались номерами телефонов?

– Нет.

– Ну, так давайте и свой, и Пятакова, а то мало ли что. Вдруг у нас появятся еще какие-нибудь важные для следствия сведения.

– А вы уже с кем-то беседовали? – настороженно спросил Лемешев.

– Да, говорили, – сделав важное и значимое лицо, ответил Гуров. – С соседями по этажу. И что характерно – все они отмечают неприязнь Слепакова к Кирьянову. Так что нужно обязательно поговорить с этим писателем.

Лемешев кивнул, сделав серьезное лицо.

– Да, обязательно.

Потом они обменялись телефонами, и Лемешев умчался искать Слепакова.

– Вводишь следствие в заблуждение? – хитро улыбнулся Крячко.

– Ничуть, – серьезно ответил Лев Иванович. – Я ведь ничего не утаил. А с Пятаковым мне нужно будет кое о чем переговорить, но это чуть позже. Поедим, а потом встретимся с Ольгой и зададим ей несколько вопросов.

– Да, в этом деле много неясного, – вздохнул Крячко.

– Пока нам никто не мешает, надо бы зайти еще раз в номер и внимательно просмотреть одежду Кирьяновых, – заметил Лев Иванович.

– Надо было сразу нам посмотреть, не от их ли одежды найденная нами пуговица, – заметил Крячко, сообразив, для чего Гуров хочет вернуться на место преступления.

– Так ведь я все боялся, что приставленный к нам молодец быстро вернется и застанет нас за этим занятием. Пришлось бы выкладывать улику. Ладно, поехали, а то наши женщины нас съедят вместо завтрака, если мы опоздаем. Хотя как по мне, так я и есть не хочу. Такая жарница. Эх, крошечки бы сейчас холодненькой!

Станислав, как и всегда, согласился с другом и, вздохнув, добавил:

– Или пивка холодненького...

* * *

После обеда, проводив жен в номера, Гуров и Крячко встретились возле триста третьего номера. Лев Иванович позвонил Екатерине Родниной, и та открыла им двери ключ-картой.

– Вы долго там будете? – спросила дежурная горничная. – Я не стану вас ждать, у меня дел много. Потом просто хорошо захлопните за собой двери. Знаете, – обратилась она к сыщикам, – я не верю, что Ольга Михайловна виновата.

– Екатерина, скажите, вы Ольгу Михайловну хорошо знали? – спросил Гуров.

– Ну, как хорошо... Я ее знаю уже лет пять. С тех пор как писатели облюбовали наш отель. Она очень отзывчивый и добрый человек, если вы хотите знать мое мнение. У меня дочка в Москве живет. Студентка. Так Ольга Михайловна ей и квартиру недорогую нашла, и вообще помогает дочке – то продукты ей привезет, то вещь какую-нибудь подарит модную. Относится к ней, как к своей дочери.

– Это хорошо, что как к дочери, – понимающе ответил Гуров. – А насколько близки вы были с Кирьяновой? Она не делилась с вами своими семейными проблемами, например, или не рассказывала о своем прошлом?

– Нет, мы не были подругами в полном смысле этого слова, – покачала головой Роднина. – Скорее, просто хорошие знакомые.

– И последний вопрос – камеры наблюдения у вас в отеле стоят только в коридорах?

– Нет, еще и в холле на первом этаже. В номерах и конференц-зале камер нет.

– А у выхода на крышу и на самой крыше они есть?

– Нет, – уверенно ответила старшая горничная. – Их убрали, когда перестали пускать туда посетителей. Если бы они там были, разве бы я рискнула туда кого пускать? – потупилась она.

– Ну, хорошо, спасибо вам, Екатерина Васильевна. Не буду вас больше задерживать, – отпустил горничную Лев Иванович.

Они с Крячко вошли в номер и внимательно осмотрели все вещи, которые нашли в шкафу и комод. Чемодан, с которым супруги прибыли в Анапу, был пуст. Ольга выложила из него все вещи.

– Значит, это не их пуговица, – констатировал Крячко. – Будем надеяться, что потерял ее убийца.

– А что толку, – нахмурился Лев Иванович. – По одной пуговице обвинение не предъявишь.

– Лева, – Крячко хлопнул друга по плечу, – нам бы хоть какую-то зацепку, а уж криминалисты пусть привязывают этот вещдок к следам, которые они собрали в номере.

– Пойдем к Ольге, что ли? – Гуров отправился к двери. – В какой там ее номер разместили? В сто первый? Надо бы узнать – может, она какие-то вещи уже взяла из номера.

К Кирьяновой их сразу не впустили. Когда Лев Иванович постучал, двери ему открыла незнакомая молодая женщина в форме полиции.

– Здравствуйте, – поздоровался Лев Иванович. – Нам нужно переговорить с Ольгой Михайловной.

– А вы, собственно, кто? – прищурилась женщина.

– Полковник Гуров и полковник Крячко из Главного управления уголовного розыска России.

Женщина не выразила никакого удивления, а взгляд ее стал еще более подозрительным.

– Ваши документы, – коротко потребовала она.

– Вообще-то мы тут неофициально, – должен был нехотя признаться Лев Иванович. – Просто так получилось, что мы поселились в соседнем с Кирьяновыми номере...

Он не успел продолжить, как женщина покачала головой и ответила:

– Вот и отдыхайте дальше, товарищи полковники, а к задержанной – нельзя.

Дверь захлопнулась.

– У тебя удостоверение с собой? – Гуров с надеждой посмотрел на Станислава. – Мария в этот раз категорично запретила мне его с собой брать. Ты, говорит, на отдых едешь, а не в служебную командировку.

- Та же история, – понимающе вздохнул Крячко. – Что будем делать?
- Звонить Пятакову. А что мы еще можем?
- А если он нас задвинет?
- Тогда у нас остается Орлов, – вопросительно посмотрел на напарника Гуров.
- А оно нам надо?
- Наши жены сделают это за нас. Ты ведь знаешь Марию. Она если что-то решила, то будет идти до конца. Чем-то эта Ольга Кирьянова их зацепила.
- Это я и сам вижу, – почесал голову Крячко.
- Лев Иванович вынул записную книжку, куда записал телефон Лемешева и Пятакова, и вбил цифры в свой сотовый. Сигнал шел, но на том конце связи никто не отвечал.
- Не берет. Вот ведь...
- Не успел он до конца выругаться, как его смартфон ожил.
- Да, полковник Гуров слушает, – быстро ответил Лев Иванович.
- Это я вас, Лев Иванович, слушаю, – раздался спокойный голос Пятакова. – Что-то хотели сообщить важное?
- Здравствуйте. – Гуров набрал в грудь побольше воздуха и ответил: – Не сообщать. Сообщать мне пока что нечего, а вот поговорить с Ольгой Михайловной я бы очень хотел.
- Я уже с ней беседовал, – коротко ответил Илья Ильич и снова замолчал.
- Я знаю, – с досадой в голосе произнес Гуров. – Но я ведь не знаю, какие вы ей задавали вопросы. Вполне возможно, что я смогу узнать у нее что-то дополнительно. Иногда бывает...
- Я знаю, как брать показания у свидетелей и подозреваемых. Но вы правы – бывает, что свидетели что-то вспоминают уже после опроса или рассказывают о том, о чем умолчали вначале, – снова спокойно ответил Пятаков. – Я уже дома после дежурства и только что лег отдыхать, – заметил он как бы невзначай. – Вам нужен доступ к задержанной? Тогда лучше всего сделать это вместе с нашим сотрудником. Вы ведь знаете правила, полковник.
- Да, знаю, но...
- Думаете, что она с вами наедине будет более откровенна, чем с представителями закона?
- Вообще-то, я тоже представитель закона, – с некоторым раздражением напомнил Гуров. – Просто мне бы не хотелось обращаться к своему начальству.
- Если узнают, что я вас пустил...
- Обещаю, что весь разговор с Кирьяновой я передам вам дословно. А уж если будет что-то важное, то прямо сразу же и перезвоню.
- На том конце связи повисла пауза. Пятаков раздумывал.
- Ну, хорошо, – сказал он. – Дайте трубку Алене. Она сегодня дежурит при задержанной.
- Лев Иванович выдохнул и решительно постучал в двери сто первого номера. Когда ему открыли – молча передал женщине телефон.
- Та какое-то время слушала серьезно, а потом резко ответила:
- Все под твою ответственность, Пятаков.
- Она вернула телефон Гурову и посторонилась, пропуская их в комнату.
- Проходите. Я выйду на полчаса. Вам хватит столько времени? – спросила она не очень довольным голосом.
- Да, спасибо большое, – ответил с улыбкой Станислав. – Полчаса нам вполне хватит.
- Полицейская хмуро покосилась на Крячко и вышла, оставив их с Кирьяновой наедине.
- Лев Иванович, Станислав Васильевич. – Ольга вышла к ним из спальни бледная, заплаканная, но во всей ее невысокой и стройной фигурке чувствовалась решительность.
- Ольга Михайловна, как вы тут? Держитесь? – с участием спросил Гуров.
- А что мне еще остается? – горько улыбнулась Кирьянова. – Я просто не представляю, как я буду жить без Жени. Он был для меня всем. У меня больше никого нет.

– У вас нет братьев и сестер?

– Нет, никого. Я у родителей была единственной дочерью. Папа умер, когда мне было шестнадцать, а мама – два года назад.

– А у Евгения Петровича родственники есть?

– Женя – детдомовский, – ответила Кирьянова. – Он всего в жизни добивался сам. Кроме друг друга, у нас никого не было.

– Ольга Михайловна... – начал было говорить Гуров, но Кирьянова его перебила.

– Не люблю отчества, называйте меня просто Ольгой.

– Хорошо, Ольга, – согласился Лев Иванович. – Вы какие-то вещи из своего номера забирали? Одежду, я имею в виду.

– Да, мне разрешили взять кое-какую свою одежду. Остальное пока нет, – опустила она голову.

Гуров достал из кармана и развернул салфетку, показывая Кирьяновой найденную им под кроватью пуговицу с якорем.

– Это не от ваших вещей пуговица?

Ольга хотела было взять пуговицу в руки, чтобы рассмотреть ее поближе, но Лев Иванович не позволил ей этого.

– Нет, – ответила Ольга после некоторой паузы, во время которой она внимательно рассматривала находку сыщика. – Такой пуговицы ни на моих, ни на Жениных вещах нет, – твердо заявила она и, пристально посмотрев на Гурова и Крячко, спросила: – Вы нашли ее в номере?

– Да, под кроватью, – честно ответил Лев Иванович и тут же поправился, увидев, какой надеждой загорелись глаза Ольги: – Это не значит, что ее потерял убийца. Она могла закатиться туда, и отпав от одежды предыдущих жильцов номера.

– Да, конечно, и такое может быть, – покорно согласилась Кирьянова, и лучик надежды в ее синих глазах угас.

– Ольга, давайте с вами все начнем, так сказать, сначала, – предложил Лев Иванович. – Нам очень важно знать, есть ли у вас на подозрении кто-то, кто желал бы смерти вашему мужу?

– Этот вопрос мне уже задавали в полиции, – сникла Кирьянова. – Нет, я не знаю никого, кто бы хотел убить Женю. Он был общительный, в отличие от меня, но у него не было врагов.

– А Слепаков? – напомнил Крячко.

– Артур? Да нет, что вы, – махнула рукой Ольга. – Он из интеллигентной семьи, и вообще не способен на убийство.

– Отчего так? Только потому, что из интеллигентной семьи? – усмехнулся Крячко.

– Нет, я просто знала его семью и его самого еще до того, как познакомилась с Женей. Он даже ухаживал за мной, – еле заметная улыбка тронула губы Кирьяновой. – Поэтому я точно знаю, что говорю. Нет, Артур, конечно, не любил моего мужа, но он не стал бы делать ему плохо, зная, как я люблю Женю.

– А когда вы познакомились с Евгением Петровичем? – задал следующий вопрос Лев Иванович.

– Четырнадцать... Почти пятнадцать лет назад. На выставке одного художника – друга Жени. Он пригласил на открытие его и еще нескольких начинающих писателей. А я там была скорее по работе, чем из любопытства. Вы ведь, наверное, уже знаете, что у меня свое издательство в Москве?

– Да, нам рассказали, – подтвердил Лев Иванович и задал следующий вопрос, который уже давно ему хотелось задать Кирьяновой: – А до встречи с Евгением Петровичем вы были замужем?

Ольга не сразу ответила. Она суетливо встала и, извинившись, спросила, не хотят ли Гуров и Крячко воды. Те отказались.

– У меня в горле все пересохло, налью себе воды и вернусь.

Ольга прошагала к холодильнику, потом к окну, заглянула зачем-то в спальню, а когда вернулась, то в руках у нее был стакан с водой.

От Гурова не ускользнули эти попытки скрыть волнение, и он не очень удивился, когда Ольга нехотя ответила на его вопрос:

– Да, я была замужем, но это было так давно.

И Кирьянова замолчала. Ей явно не хотелось вспоминать то время, и Лев Иванович не стал настаивать. Гуров по опыту знал, что если человек не хочет вспоминать прошлое, то ничего хорошего в этом прошлом не было. В конце концов, он мог узнать о прошлой жизни Ольги и из других источников.

– Ольга, мне нужно задать вам один деликатный вопрос. Вы только не обижайтесь. Это вполне дежурный вопрос, который задают всем свидетелям. – Лев Иванович пристально посмотрел на смутившуюся Кирьянову.

– Если вы хотите спросить, имел ли Женя или я связь на стороне, то меня об этом уже спрашивали, – разочарованно вздохнула Ольга и, посмотрев прямо в глаза оперативнику, ответила: – Нет, не было. У нас с Женей было полное взаимопонимание и в психологическом плане, и в интимной жизни.

– Это хорошо, – дежурной фразой ответил Гуров. – А какие-то новые мысли по поводу того, как пистолет мог очутиться в сумочке, к вам не приходили? – задал на всякий случай еще один вопрос Лев Иванович.

Наблюдая за Кирьяновой, за ее словами, жестами, мимикой, Гуров уже понял, что что-то новое сообщить Ольга ему или не может, или не хочет. Скорее, второе. Он чувствовал, что она что-то скрывает. Но вот что?

– Нет, понятия не имею, – вздохнула Кирьянова. – Послушайте, Лев Иванович, но ведь в коридоре, кажется, есть видеокамеры. Вы ведь должны это знать. Там наверняка есть запись, на которой видно, кто заходил в номер в мое отсутствие.

Лев Иванович и сам все время думал об этом. И наверняка Пятаков тоже первым делом должен был просмотреть видеозаписи с камер наблюдения. Вполне возможно, что он их даже и просмотрел. И если бы на них было что-то зафиксировано... Что-то такое, что обличало Ольгу, то он бы сразу же запросил ордер на ее арест, а не отпускал ее, пусть даже и под приглядом полицейской, в отель. Значит, что-то тут было не так.

– Да, камеры есть, – задумчиво ответил он на вопрос больше самому себе, чем Ольге. – И я бы не меньше вашего хотел бы посмотреть на записи с них.

– Ольга, скажите, а насколько вы хорошо знали своего мужа? – спросил Кирьянову Станислав. – Я имею в виду его жизнь до встречи с вами. Вот вы сказали, что Евгений Петрович был воспитанником детского дома. Так у него вообще не было родственников – ни братьев, ни сестер? Да и отношения с женщинами у него наверняка какие-то были до вас.

– Я ничего не знаю ни о каких братьях, сестрах или другой родне Жени. Муж вообще не любил вспоминать свое детство и юность. Говорил, что ничего хорошего в них не было, а вспоминать плохое он не хочет, – ответила Ольга. – Но зато много и с гордостью рассказывал, как он много работал и занимался, чтобы выбиться в люди. Как я поняла, учеба в школе и институте давалась ему с трудом. По натуре он гуманитарий и всегда интересовался литературой. Поэтому и выбрал то, что ему нравилось, – факультет журналистики.

– Да, Реус нам уже рассказала, что он учился вместе с ней. А как у него складывались отношения с женщинами? – спросил Лев Иванович.

– Женщины... – Ольга слабо улыбнулась. – У Жени были романы. В какой-то момент, когда ему было двадцать с небольшим, он даже чуть не женился на одной девушке с параллельного курса. Но что-то у них не сложилось. Насколько я знаю, у него всегда были сложные отношения с женщинами. Его характер... Женя, если честно, был очень самолюбив и эгоистичен. Ему постоянно нужно было, чтобы его хвалили, им восхищались, о нем заботились.

А сам он... – Кирьянова вздохнула. – Сам он редко когда кого-нибудь хвалил. Нет, он не был жестким или жестоким. Но и внимательным и заботливым я бы его тоже не назвала. Но я его любила таким, какой он есть – со всеми его добродетелями и грехами, – словно в оправдание за свои слова быстро добавила Ольга.

– Да, любовь – она такая, – рассеянно согласился Гуров и все-таки уточнил: – Детей у Евгения Петровича не было?

– Нет, не было, – словно бы ставя точку в разговоре на эту тему, твердо ответила Кирьянова.

– Что ж, не было – так не было...

Гуров встал и посмотрел на часы, которые показывали уже четверть четвертого.

– Лев Иванович, – Ольга тоже встала, – что со мной будет? Неужели нет способа доказать, что это не я стреляла в мужа?

– Ну почему же нет? Есть очень много способов доказать невиновность человека в преступлении. Например, разные биологические и материальные улики, собранные криминалистами на месте преступления. Опять же, записи с видеокамер. Экспертизы сегодня проводят быстро и точно, – успокаивающе ответил Гуров и похлопал Ольгу по руке. Но увидев, что прозвучало это не очень убедительно, добавил: – Если вы не виноваты, то это легко будет доказать. Так что не переживайте зря. Вы лучше вот что сделайте. Сядьте и спокойно подумайте. Помните, кто же все-таки мог бы желать убить вашего мужа, а заодно и отомстить вам. А может, и просто отомстить именно вам, подставив вас и убив Евгения Петровича.

Ольга побледнела так, что Гуров подумал, что с ней сейчас случится сердечный приступ. Она снова села на диван, с которого только что встала, и ошарашенно посмотрела на сыщиков. Ей и в голову не приходило то, что именно она могла стать объектом столь изощренной мести.

– Я? – выдохнула она и так сильно стала качать головой, что Крячко быстро налил в стакан воды и протянул его.

– Ольга, успокойтесь и выпейте воды, – решительно сказал он. – Чтобы что-то вспомнить, нужна ясная голова. Если не было врагов у вашего мужа, то, быть может, у вас они были?

Кирьянова с жадностью выпила воду и кивнула, но говорить ничего не стала.

– Мы сейчас уйдем. – Крячко тоже встал. – А вы, Ольга, успокойтесь и хорошо подумайте над нашим предложением. Наверняка вспомните что-то, какой-то эпизод из жизни, который подскажет вам, кто мог бы желать зла вам или вашему мужу.

Глава 11

– Топчемся на одном месте, – с некоторой досадой сказал Гуров, когда они с Крячко остались наедине. – У меня создалось впечатление, что Ольга явно что-то знает, но не говорит. Или подозревает кого-то, но нам не говорит. Не хочет высказывать свое предположение. Осторожничает.

– Может, она просто боится ошибиться и ненароком подставить кого-то под подозрение? – ответил Станислав. – Эх, нам бы узнать, что там, на этих видео! Но Пятаков нам не скажет...

– Может, и не скажет, а может, и скажет, – нахмурился Гуров, который, заложив руки за спину, ходил из угла в угол номера и размышлял. – Завтра утром нужно с ним созвониться и настоять, чтобы он рассказал нам, как продвигается следствие. Наверняка уже к завтрашнему утру будут известны и результаты баллистической экспертизы, и какие-то данные, собранные криминалистами на месте убийства. Не может такого быть, чтобы на месте преступления не осталось никаких следов. Опять же, сумочка...

– Да, если пистолет подбросили, то, может, и на ней какие-то следы обнаружат. Хотя если преступник был в перчатках... – подхватил рассуждения друга Крячко.

– Угу. В перчатках, в бахилах и в балаклаве, – с сарказмом заметил Гуров. – Нынче столько криминальных фильмов и романов о том, как преступники могут обмануть полицию, что я не удивлюсь, если следов вообще никаких в номере не найдут. Сегодня, если сильно захочешь кого-то убить и кого-то подставить, то подготовиться к этому нужно заранее. Если убила не Ольга, и наши с тобой предположения, что ее кто-то подставил, правильные, то вполне возможно, что планировалось убийство не сегодня и не вчера.

– А значит, все было продумано до мелочей, – согласился Крячко. – Наверняка этот человек хорошо знал Кирияновых и их привычки, распорядок дня и то, что Ольга ходит поплавать в верхний бассейн.

– Но она ведь не по расписанию туда ходит, – поднял указательный палец Гуров. – Как я понял, открывали ей, как, впрочем, и нам, только по звонку Катерине. Та, в свою очередь, перезванивала дежурной горничной, если она сама в этот день не была на смене.

– Значит, убийца точно знал тот момент, когда Ольги не будет в номере, – согласно кивнул Крячко. – А это означает, что он хорошо знал и горничных, которые открывали Ольге выход на крышу.

– И имел ключ от номера, – добавил Гуров и посмотрел на Станислава. – Кто-то из obsługi? – задался он вопросом.

– Во всяком случае, если не кто-то из служащих, то некто, кто имел непосредственное отношение к отелю или к тому, кто вчера дежурил – охраннику, секьюрити или горничным.

Лев Иванович вспомнил о странном поведении охранника, которого сменили сегодня утром. Тот не стал задерживаться, даже зная, что в гостинице во время его дежурства произошло убийство, и быстро ушел, едва его сменщик переступил порог комнаты охраны.

– Надо бы нам поговорить с охранником, который дежурил вчера и сменился утром, – заметил он. – Сейчас я ему позвоню и узнаю, где он и как с ним можно встретиться.

Лев Иванович нашел в записной книжке номер телефона молодого охранника, который ему дал пожилой сменщик, и набрал его на своем телефоне. Ему никто не ответил. Тогда Гуров еще раз набрал, и снова в ответ были лишь гудки.

– Не берет, – пожал он плечами.

– Напиши ему или голосовое отправь, чтобы перезвонил тебе, как только сможет. Мало ли у человека дел в выходные.

– Не стану я писать и наговаривать, – категорично ответил Лев Иванович. – Сам перезвонит. А если нет, то мы его адрес у его начальника узнаем, и вечером сами к нему нагрянем.

– Сдается мне, что мы не одни такие умники с тобой, и Пятаков наверняка уже с этим охранником беседовал, – махнул рукой Крячко.

– Наверняка мы это не знаем. Пятаков мог и отложить допрос свидетеля, – предположил Лев Иванович. – Он спал дома, когда я ему звонил, чтобы взять добро на разговор с Ольгой. Так что и он, скорее всего, оставил эту работу на завтра, когда будут известны результаты экспертиз.

– Что ж, тогда нам только остается прогуляться до моря и присоединиться к нашим женам, – ответил Станислав на невысказанный вопрос Гурова, а что же им, собственно, сегодня делать дальше. – Наталья прислала мне эсэмэс с кучей вопросов и просьбой тотчас же приехать к ним, когда освободимся.

– Жара вроде бы стала спадать, – заметил Лев Иванович. – Можно и в море поплавать. Правда, и утешительного рассказать нашим взволнованным судьбой Ольги дамам до сих пор нечего.

– Вот так им и скажем, – рассмеялся Крячко.

* * *

Утром следующего дня, когда Наталья и Мария, взяв машину Крячко, отправились в соседний городок прогуляться, Гуров и Станислав решили все-таки съездить на квартиру к охраннику, дежурившему в отеле в день убийства. Накануне вечером, так и не дозвонившись до Антона Тропинина, они созвонились с его начальником и узнали домашний адрес. Чтобы не плутать по городу, который не очень хорошо знали, решили вызвать такси. Но тут на телефоне Льва Ивановича заиграл рингтон.

– Лев Иванович, – раздался в трубке спокойный голос Пятакова. – Нам срочно нужно поговорить. Вы у себя в номере? Можете подъехать прямо сейчас к управлению? Я встречу вас со Станиславом Васильевичем. – Он быстро, словно боясь, что Гуров внезапно прервет связь, назвал адрес.

– И вам доброго утра, Илья Ильич, – Гуров удивленно посмотрел на Станислава и прошептал, прикрыв микрофон ладонью: – Пятаков просит нас приехать в управление.

– Мне сейчас не до приветствий, – буркнул в ответ оперативник.

– Что, настроение не очень?

– Не очень, – согласился Пятаков. – Да и у вас оно не будет радужным, когда узнаете новости.

– Они касаются нас?

– И вас в том числе. В общем, через десять минут я жду вас у управления.

Пятаков отсоединился.

– Что там у них приключилось? – поинтересовался Станислав, видя, как озадаченно хмурится Гуров.

– Да черт его знает, – досадливо чертыхнулся Лев Иванович. – Просит нас срочно приехать в управление на важный разговор. Так что придется вместо опроса охранника ехать в местный УГРО.

– А что конкретно он от нас хочет, не сказал?

– Нет, – коротко ответил Лев Иванович и шагнул к подъехавшей на стоянку отеля машине такси.

Доехали до управления с опозданием, с утра на улицах были невероятные пробки, но Пятаков, как и обещал, терпеливо ожидал их, смоля сигаретку, в тени здания.

– Пройдемте сразу к начальнику в кабинет, – отвечая на рукопожатие полковников и не отвечая на вопрос Гурова, в чем, собственно, дело, сказал Пятаков и направился внутрь управления. Крячко, переглянувшись со Львом Ивановичем, пожал плечами и тихо сказал – так, чтобы его слышал только Гуров:

– Посмотри-ка, какая загадочность...

– Ничего загадочного, просто нас уже ждут, поэтому все объяснения на месте, – ответил, не оглядываясь, Пятаков. Слух у него оказался как у летучей мыши – необыкновенно острый.

В кабинете начальника Анапского управления уголовного розыска их встретил крепко сбитый и высокий мужчина лет тридцати пяти – тридцати восьми.

– Полковник Еловец Александр Александрович, – представился он, протянув руку для приветствия. Потом указал на стулья и по-деловому поинтересовался: – Чай, кофе не желаете? Есть минералка.

– Нет, спасибо, ничего не нужно, – ответил Лев Иванович, но вопросительно покосился на Станислава, и тот коротко кивнул, соглашаясь. – Чем обязаны?

Еловец ответил, посмотрев на Пятакова:

– А вот Илья Ильич вам сейчас все и расскажет.

Все расселись, но Пятаков все медлил и смотрел на часы, словно ожидал чего-то или кого-то. В кабинет быстрым шагом вошел Андрей Лемешев, поздоровался на ходу со всеми и, положив перед Пятаковым на стол папку, сел рядом.

– Тут вот какое дело, – Пятаков поднял голову и посмотрел поочередно на Льва Ивановича и Станислава. Гуров отметил для себя, что хотя Пятаков и смотрит собеседнику в лицо, глазами с ним старается не встречаться. Сразу же отводит взгляд, не давая зацепиться. – Сегодня были получены результаты баллистической экспертизы. Ну, вы знаете, что положено пробивать все оружие, которое было найдено в ходе обыска... Так вот, пистолетик, который находился в сумочке Кирьяновой, оказался засвеченным.

– Илья Ильич, давайте ближе к делу, – поторопил его начальник.

– Так вот, – повторил с нажимом Пятаков, – из этого самого пистолета тринадцать лет назад был убит еще один московский писатель. Некто Леонидов Владислав Владленович. Оружия тогда на месте преступления не нашли. И до вчерашнего дня этот пистолет больше нигде не появлялся. Не поймали тогда и убийцу писателя. Дело до сих пор не раскрыто. Узнав об этом обстоятельстве, я рассказал о нем Александру Александровичу, а заодно и о том, что вы остановились в гостинице, где произошло убийство.

– Хм, – хмыкнул Еловец и насмешливо глянул на Пятакова. – Рассказал, когда я ему сказал, что ему нужно теперь же, сегодня, ехать в Москву и там рыть... Кхм, – неловко кашлянул он, – изучать старое дело. Впрочем, Илья Ильич мне рассказал и то, что не стал препятствовать вашему, так сказать, неофициальному расследованию. Поэтому мне и захотелось узнать, насколько вы продвинулись в расследовании. Есть в этом деле еще что-то, что мы пока не знаем?

«Ловко это они провернули, – подумал Лев Иванович. – Как только дело оказалось в тупике, им сразу же понадобились новые помощники, и тут мы с Крячко очень удачно подвернулись им под руку».

Гуров провел рукой по волосам и, склонив голову, спрятал улыбку, которая невольно появилась у него в уголках губ.

– Мы и сами со многими моментами еще незнакомы, – не отвечая прямо на вопрос, но давая понять, что готовы помочь с расследованием, ответил Лев Иванович.

– Без проблем. – Еловец посмотрел на Пятакова, и тот подвинул папку, которая лежала перед ним, Гурову и Крячко.

Пока Лев Иванович изучал результаты экспертизы, отчеты и прочие документы, которые успели собрать местные оперативники, Крячко поинтересовался:

– На камерах наблюдения что-нибудь интересное было зафиксировано на момент убийства?

– Камеры... – недовольно покрутил головой Пятаков. – С ними, видите ли, весьма подозрительная история приключилась накануне вечером. Они почему-то перестали передавать картинку на монитор и вообще записывать. Причем все сразу, все до одной. Все это очень странно, и объясняется лишь тем, что их кто-то специально вывел из строя. Техники должны были прибыть только утром. Мы сняли отпечатки с оборудования, но все без толку. Похоже, что действовал тот, кто разбирается в этом не хуже специалистов.

– А что с версией по Слепакову? Его опрашивали?

– Я вчера его нашел, привез в управление и опросил, – отозвался Лемешев. – Версия с убийством после ссоры отпадает. У Артура Павловича железное алиби на время убийства. Он был в номере и разговаривал по телефону со своей тринадцатилетней дочерью. Это подтверждает и его сожительница Инга Лаврентьевна Корсун. Я проверил, позвонив оператору связи, и они также подтвердили наличие входящего звонка на телефон Слепакова и длительность разговора на время убийства.

– Разговаривал с дочкой в пять утра? – удивился Крячко.

– Да, его первая жена живет в Красноярске, где разница с Москвой четыре часа. Так что тут все нормально, – пожал плечами Андрей.

– А вместо Слепакова с ней не могла разговаривать, например, та же Корсун?

– Нет, я перестраховался и сам позвонил на номер. Ответила девочка, и она подтвердила, что разговаривала с папой, – ответил Лемешев.

– А что с биологическими следами в номере? Что-то было выявлено? – поднял голову от бумаг Гуров.

– Не все анализы еще готовы, – ответил Пятаков и, потянувшись к Гурову, вытянул из стопки бумаг одну и протянул ее Льву Ивановичу.

Гуров молча взял ее и быстро пробежал глазами.

– Да, пока что ничего конкретного, – согласился он. – Много следов, принадлежащих Кирьяновым, но они там и жили. Пара отпечатков горничной, которая делала уборку номера накануне... Кстати, – Лев Иванович посмотрел на Пятакова. – Мне Мира Евсеева не сказала, что она делала там уборку перед днем убийства.

– Ну, делала и делала. Не она, так кто-то другой бы убирался. Это входит в ее обязанности, – пожал плечами Еловец.

– Согласен, это может быть и совпадением – что и убийство совершено в ее смену, и произошло оно после уборки комнаты, – немного помолчав, ответил Лев Иванович. – Но я бы проверил девушку на предмет сомнительных знакомств. Есть у нас со Станиславом версия, что убийцей мог быть кто-то, кто близко был знаком с кем-то из персонала гостиницы или же сам является сотрудником отеля.

– Я тоже об этом думал. Хотел вот сегодня поехать и переговорить со всеми, кто вчера дежурил. Но вчера на все времени не хватило, – вздохнул Пятаков.

– Мы пытались дозвониться дежурному охраннику, но он не берет трубку, – заметил Станислав. – Вы нас развернули как раз в тот момент, когда мы собирались ехать к нему домой и выяснить, где он находится.

– Что? Охранник пропал? – Еловец вопросительно посмотрел на своих оперативников.

– Я же говорю, что им, секьюрити и горничными я пока еще не занимался, – буркнул Пятаков, не поднимая глаз на начальство. – Сегодня с Андреем будем всех опрашивать.

– Вы мне этого охранника из-под земли достаньте! – нахмурился Еловец. – Странно это все – пропасть сразу же после убийства.

– Да куда он денется... – начал было говорить Лемешев, но начальник так на него посмотрел, что тот смутился и замолчал.

Гуров, закончив изучать все документы, сложил их снова в папку и протянул Пятакову.
– Так что же от нас требуется? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Впрочем, вопрос был задан им чисто риторически. Лев Иванович уже и так понял, к чему клонят местные оперативники – им нужно было, чтобы кто-то раздобыл для них информацию по старому делу тринадцатилетней давности. Нужно, чтобы Гуров и Крячко, так кстати под-вернувшиеся им под руку, взяли на себя бремя отследить путь пистолета, ниточку, которая ведет от того, прошлого, нераскрытого убийства, к настоящему.

– Мы, конечно же, не имеем права прерывать ваш отпуск... – Еловец нервно заерзал в кресле. – Но в силу обстоятельств... Я так понял из слов Ильи Ильича, что вы заинтересовались этим убийством...

Гуров вздохнул, а Крячко с трудом сдерживал улыбку, наблюдая, как Александр Александрович неловко пытается применить дипломатический прием и добиться их согласия на уже официальное ведение этого дела. Или, по крайней мере, поспособствовать его быстрому продвижению.

– Наш интерес был только в том, чтобы убедиться в виновности или невиновности супруги убитого, – глянул на Еловца исподлобья Гуров.

– Вот видите! – отчего-то обрадовался Александр Александрович. – А ведь подозрения с нее еще не сняты. Пистолетик, как ни крути, был найден в ее сумочке, и алиби, которое бы подтвердило ее непричастность к убийству, у нее тоже нет. Вы ведь с ней беседовали? Она вам сказала, где она была на момент убийства? Что-то мало верится, что она была в ванной и не слышала выстрела.

– Могла и не слышать, – пожал плечами на этот раз Пятаков. – Выстрела вообще никто не слышал. Хотя слышимость в номерах просто зашкаливает.

– Это почему же никто не слышал выстрела? – воззрился на подчиненного Еловец.

– Стреляли через подушку, – ответил вместо Пятакова Лев Иванович. – Тихо вошли, положили подушку на лицо спящего, приставили вплотную пистолет и выстрелили, подушку снова убрали и кинули рядом на кровать. В отчете все это есть, – кивнул он на папку.

– Так что? – Еловец посмотрел на Гурова и Крячко.

Лев Иванович переглянулся со Станиславом и ответил:

– Вы хотите официально привлечь нас к делу?

Александр Александрович на пару секунд замялся.

– Не то чтобы официально... Для этого надо будет запрашивать разрешение у вашего начальства, отзывать вас из отпуска. Но не буду скрывать, что был бы благодарен за помощь.

Еловец покосился на Пятакова, но по лицу оперативника не было видно, как он относится к такому решению начальства, поэтому полковник снова перевел взгляд на своих московских коллег.

– Поедем? – Лев Иванович обратился к Станиславу.

– У нас есть выбор? – усмехнулся Крячко. – Все равно отпуск накрылся. Ни писатели, ни наши женщины нам проходу не дадут, пока до конца мы это дело не доведем.

– А что писатели? – вдруг заинтересовался Еловец.

– Детективщики, маму их, – выругался Лев Иванович под насмешливым взглядом Крячко. – Им бы сюжетец интересный ухватить, да посмотреть воочию, как мы работаем. Только под ногами путаются. Интересно им, видите ли, детали хотят знать...

– Вы не любите детективы? – удивленно посмотрел на Гурова Еловец. – А я, знаете ли, почитываю. Маринину или, допустим, Гарднера. Иногда интересные сюжеты попадаются.

– Угу, – неопределенно промывчал Лев Иванович, но не стал ничего говорить, давая понять, что у него на счет сей сомнительной литературы свое мнение.

– Так что же? – снова повторил свой вопрос Еловец и выжидательно замолчал.

– Ладно, – после небольшого раздумья согласился Лев Иванович. – После обеда поедem. Мы на машине, поэтому не беспокойтесь о билетах, – поспешил он вставить, увидав, что Еловец готов был предложить им достать их хоть из-под земли.

– Бензин мы оплатим, – с радостной готовностью вставил Александр Александрович. – Оформим все как положено.

Лев Иванович и Крячко встали, а за ними и все остальные.

– В каком округе было убийство в Москве? – решил уточнить Гуров.

– В Северо-Восточном, в Марьиной Роще, – не очень охотно ответил Пятаков. – У них наш запрос должен быть.

Распрощавшись с Еловцом, все вышли из его кабинета и направились по коридору к выходу из управления.

– Не моя это была идея, – неожиданно, после некоторого молчания, проговорил Пятаков.

– Вы имеете в виду привлечь нас к расследованию? – улыбка скользнула в уголках губ Гурова.

– Отправить вас в Москву, – уточнил оперативник. – Я сразу сказал Александру Александровичу, что сам могу поехать, но он даже слушать не стал, как только узнал, что есть возможность расширить поиск за счет привлечения оперативников из Москвы. Да еще и из Главного управления... Неудобно как-то получилось. Получается, я вас подставил...

Лев Иванович на ходу посмотрел на Пятакова. Тот шел, как и всегда, когда его видел Гуров, уставившись себе под ноги. И глядя на его серьезное и сосредоточенное лицо, поверил, что оперативнику и впрямь неудобно из-за всей этой создавшейся ситуации.

– Что уж теперь, – как можно беспечнее произнес Лев Иванович. – Теперь мы уже как бы и сами втянулись в это дело. И в любом случае продолжили бы его. Так что вашей вины, Илья Ильич, тут нет никакой.

Они вышли на стоянку служебных машин, и Пятаков сказал Андрею Лемешеву, который все это время следовал за ними:

– Отвези людей к гостинице и сразу езжай обратно. Или вам куда-то еще нужно? – посмотрел он на Гурова и сразу же по своей особенности опустил голову.

– Если вы не против, мы хотели бы встретиться и переговорить с охранником, в смену которого произошло убийство. Время до отъезда у нас еще есть.

Пятаков кивнул.

– У вас есть его адрес. Я правильно понял? – спросил он.

– Да, есть.

– Тогда поехали вместе, – чуть подумав, ответил Илья Ильич и, обращаясь к Лемешеву, добавил: – Андрей, чего стоишь? Заводи.

* * *

До нужного адреса ехали молча, а когда приехали, то втроем (Лемешева на всякий случай оставили возле подъезда) поднялись на третий этаж, где находилась квартира Антона Тропинина. Позвонили. Где-то в глубине квартиры прозвучал звонок, но все оставалось тихо. Открывать им никто не спешил даже после третьего звонка.

– Дома никого нет, – констатировал Крячко и так понятный всем факт.

Пятаков развернулся и нажал звонок соседней квартиры. И снова тишина. Зато за дверью квартиры напротив, рядом с которой стоял Лев Иванович, раздался щелчок открываемого замка. На пороге возникла бесформенная фигура, которая пятилась задом и что-то с усилием вытаскивала из коридора квартиры. Судя по конфигурации, бесформенная фигура принадлежала полной женщине, хотя наверняка Лев Иванович не мог сказать, потому как одета эта фигура была в спортивный костюм.

– Простите, – обратился он к фигуре, и та, ойкнув писклявым голоском, который совсем не соответствовал объемам тела, повернулась к ним лицом.

– Вот напугали меня, черти! – пропищала, а вернее, пропищал голос, который принадлежал в общем-то молодому мужчине, но очень полному, с рыхлым лицом, с обвисшими щеками и заплывшими жиром небольшими глазками.

– Вы не подскажите, ваши соседи... – Гуров указал на дверь Тропинина.

– Антоху ищите? Так он уехал, наверное, на дачу. У него свой домик недалеко от моря, так он каждые выходные туда мотается. И правильно, чего в городе-то сидеть, – словоохотливо доложил мужчина и попросил Гурова: – Вы мне не поможете вытащить этот дурацкий гроб?

Гробом оказался старый платяной шкаф, тяжелый и массивный. Оперативники с трудом вытянули его в коридор и стояли, не зная теперь, как пройти к лестнице. Шкаф перегородил всю площадку.

– Ох, будь он неладен! – простонал, а вернее, снова пропищал полный сосед, не зная теперь и сам, что следует ему делать с этой громоздкой мебелью.

– Его надо было сначала разобрать, – с трудом протискиваясь к лестнице, наставительно произнес Гуров.

За ним поспешно стали протискиваться и Пятаков с Крячко. Они, как и Лев Иванович, почуяли, что добром их помощь этому соседу не закончится. Наверняка тот начнет просить их еще и помочь снести этот «гроб» вниз.

– Да, наверное, вы правы, – с безнадеей в голосе вздохнул сосед. – Надо теперь как-то инструмент в квартире достать.

Он стал предпринимать попытки попасть в квартиру, но так и не смог – его габариты были ничуть не меньше габаритов шкафа. Пришлось Гурову и Пятакову помогать сдвинуть шкаф, чтобы освободить перекрытый проход.

– А где у Антона домик? – по ходу работы задал вопрос Пятаков.

– Так кто его знает? Я там не был. Ему он от деда с бабкой достался, – пояснил сосед, который тяжело пыхтел и пытался снова протиснуться к своей двери.

– Понятно. Просто мы до него дозвониться не можем, а нам его срочно нужно увидеть.

– Вы с работы? – спросил толстяк, наконец-то пробравшись к двери своей квартиры.

– Не совсем, – не стал вдаваться в подробности Илья Ильич. – А кто знает, где эта дачка находится?

– Сеструха его знает, – почесал сосед толстый нос. – Танька в соседней квартире живет с сыном, – сосед кивнул на квартиру рядом со своей. – Но она сейчас на работе, а Пашка, наверное, с Антоном уехал. Нет ведь дома никого?

Гуров покачал головой.

– Ну вот, значит, Антоха вместе с племянном и уехал. Они рыбачить в основном туда ездят.

От слова «рыбачить» у Льва Ивановича засосало под ложечкой, и он тоскливо вздохнул.

– А у Антона есть жена или девушка?

– Нет, он пока свободная птица. Ему и так хорошо. За ним вон сеструха присматривает. Стирает ему, готовит. Она сама безмужняя разведенка. А так-то Антоха удобно устроился. Квартирки им от родителей и от бабки достались в наследство...

Сосед был готов рассказывать и дальше, но Пятаков его прервал:

– Где сестра работает?

– Танька-то? Так она в магазине. Заведующей.

Толстяк назвал адрес магазина и фамилию сестры Тропинина по мужу. Оперативники поблагодарили и спешно спустились. На улице Пятаков, обращаясь к Гурову и Крячко, сказал:

– Раз такое дело, я сам буду поисками этого Антона заниматься, а вы уж давайте, езжайте в гостиницу. Я на связи. Телефоны ваши у меня есть. Буду держать в курсе.

– Добро. – Лев Иванович огляделся. – Тут остановка далеко?

– Да нет же, – с некоторой досадой ответил Пятаков. – Мы вас подкинем до отеля, а потом поедem искать сестру и выяснять у нее, где ее брат Антон находится.

Едва Гурова и Крячко высадили у отеля, как их со всех сторон окружили писатели и забросали вопросами, словно это и не писатели были, а пройдохи-журналисты из местной прессы:

– Расскажите, как продвигается следствие?

– Скажите, что-то уже известно? Какие-то улики уже нашли?

– Говорят, что у вас уже есть подозреваемый. Это правда? Кто он?

– Они что, где-то тут в засаде сидели? – рассмеялся Станислав, оглядываясь в поисках места, где могли бы прятаться все эти люди.

Гуров, в отличие от Крячко, напрягся и, недовольно отмахиваясь от назойливых писателей, искал глазами Реус. Нашел и громко спросил, обращаясь к Ирине Яковлевне:

– Мы же с вами, кажется, договорились вчера!

– Я всем все объяснила, – пожала та плечами, словно говоря этим жестом, что она сделала все, что в ее силах, но ситуация вышла у нее из-под контроля.

– Товарищи писатели! – Лев Иванович встал как вкопанный и поднял руки. – Что вы от нас со Станиславом Васильевичем хотите?

– Мы хотим знать, как продвигается следствие, и вообще мы все хотим знать. Убили нашего дорогого председателя комиссии и уважаемого члена Союза писателей, талантливого человека! Мы все переживаем, – выступил вперед писатель Переделкин.

– Я понимаю ваши чувства, – вздохнул Гуров и стал объяснять тоном, каким объясняют воспитатели непонятливым детям: – До окончания следственных мероприятий оперативники, проводящие их, не имеют права разглашать, ни как проводится следствие, ни каких-либо промежуточных результатов по нему. Я уже разговаривал с Ириной Яковлевной и обещал ей, что как только все закончится, я и мой коллега ответим на все ваши вопросы. Я ясно выразился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.